

ЗАРУБЕЖЬЕ

Познаете Истину
и Истина делает
вас свободными.
Еванг. от Иоанна.

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ

№ 2-3 (12-13)

ИЮНЬ 1967

МЮНХЕН

В. ПИРОЖКОВА

„Новый человек“

Коммунизм может быть окончательно построен только тогда, когда будет создан новый человек. Новый человек возникнет в результате построения коммунизма. Самый процесс его построения, стадия социализма, создадут нового коммунистического человека, так же как процесс первоначально чисто инстинктивной работы создал из двуногого животного человека.

Таковы тезисы коммунистов. И вот на основе абстрактной теории был предпринят громадный эксперимент, эксперимент над живыми людьми. Сколько интеллектуалов, живших вне этого эксперимента, были захвачены, подавлены его грандиозностью, — им самим не пришлось быть в роли подопытных кроликов.

Внутри же страны через 10-20 лет после революции началось воспевание уже якобы существующего «нового социалистического человека». Его отличительными чертами была безветная преданность идеям Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, готовность работать не покладая рук на стройках социализма, а если надо, то и пожертвовать жизнью за построение социализма. Его отличало товарищество по отношению к товарищам, бдительность и непримиримость по отношению к врагам, неподкупная честность, особенно к социалистической собственности, чувство интернациональной солидарности к рабочему классу других стран и горячего патриотизма к своему социалистическому отечеству. Он был идеальным, слишком идеальным для того, чтобы быть живым (а, впрочем, идеальным ли?). И одновременно он был еще убежденным атеистом, потому что он, конечно же, был «передовым».

Свои идеальные качества он черпал не из веры во всемогущего Бога, не из любви к ближнему (кто вообще мог быть ближним, если каждую минуту вчерашний товарищ мог превратиться во «врага народа?»), не из упования жизни вечной, а... из чего? Из веры в прогресс? В будущее счастье всего человечества (когда его самого уже не будет на свете)? Веры в коммунизм будущих поколений?

Собственно говоря, даже не из всего этого. Согласно марксистской идеологии человек воспитывается в первую очередь не идеями. Хотя они и

играют большую роль, но все же они только надстройка, а базис — экономическая и социальная структура. Если она «правильна», то человек сам собой и воспитанием всей среды и коллектива вырастает таким, как нужно.

Измученная литература выбивалась из сил, чтобы нарисовать нового человека, созданного строящимся социализмом и в свою очередь сознательно создающего этот самый социализм. Только что-то он плохо удавался, этот новый социалистический человек. Безжизненные манекены «социалистического реализма», стерильные и без умысла комичные герои времени «теории бесконфликтности», — истинные художники молчали. Они не могли себя насиловать — или же их заставляли замолчать, часто навсегда. Конечно, и официальная идеология допускала, что еще не все жители Советского Союза стали «новыми», осгавались еще «пережитки буржуазной психологии в сознании людей», все еще действовали «вредные» влияния некоммунистического мира, но все же стало уже нелегко находить отрицательных героев. «Новый человек» торжествовал — в официальной литературе и пропаганде.

Как гром ударила смерть самого первого, самого главного, самого совершенного «нового человека» — «гениального вождя народов» И. В. Сталина. Смерть многое выявляет. Смерть не только конец жизни, но и ее завершение — кто устоял в смерти, тот прожил значительную жизнь. Самый первый новый социалистический человек не устоял — сквозь маску смерти выступили явно даже для тех, кто этого прежде не хотел видеть, отвратительные черты тирана, мелочного, жестокого, подозрительного. Новые черты нового человека?

Когда теория бесконфликтности в литературе была отменена партией, и конфликты были снова разрешены, они вдруг появились не там, где им полагалось быть. Вместо конфликтов нового социалистического человека с «пережитками старого» или «агентами капиталистического окружения» выступили наружу конфликты между старыми коммунистами, зачастую наивными идеалистами, и их сыновьями и дочерьми,

новыми, воспитанными в социализме, коммунистическими функционерами, холодными, бессердечными, расчетливыми эгоистами, делающими карьеру и готовыми при этом шагать через трупы.

«С кого они портреты пишут, где эти речи они слышат» — охнула официальная критика. Конечно, есть и среди молодых коммунистов люди с пережитками прошлого в сознании, резонировала она, но ведь писатели рисуют этих молодых чудовищ так, как будто они являются типичными продуктами социалистического воспитания.

Круг замкнулся. Если вначале между материалистической идеологией и проповедью классовой ненависти с одной стороны, и личным идеализмом, бескорыстием и самопожертвованием многих ее последователей, ей ошибочно поверивших, лежала пропасть, то теперь произошло слияние идеологии и идеологического типа. Ногого в этом типе мало. Где и когда не бывало эгоистов и карьеристов, черствых и себялюбивых? Новое и, впрямь страшное новое, заключается в том, что в руки этих людей впервые была дана тотальная идеология, дающая им возможности, которые были недоступны прежним тиранам.

Но как ни велики средства тоталитарной идеологии и тоталитарного режима, — самого главного, человека, ключ к успеху режима в будущем, он получил только внешне. Можно заставить народ замолчать, можно физически истребить миллионы, но душу в свои руки взять нельзя. Новые коммунисты, плоть от плоти материалистической идеологии, испугали даже своих создателей. Они получили совсем не те черты, которыми их вперед наделяла теория. Тоталитаризм повлиял. Однако тем, кого он сумел затянуть в свое русло, он дал характер, свойственный его истинной внутренней закономерности, а не мечтаниям прекраснодушествующих теоретиков.

Функционерами стали не все. Их меньшинство. Большинство же, народ, состоит все из тех же людей, которых мы знали всегда, добрых и злых, великодушных и мелочных, бескорыстных и корыстных, с любовью и ненавистью, милосердием и завистью, со всеми человеческими

слабостями и пороками, достоинствами и добродетелями. Удивительно даже насколько у новых писателей, пробивших хоть до известных пределов кору идеологии, мы встречаем все того же человека с его извечными чувствами и запросами, конфликтами и стремлениями, человека, которого с различными вариациями можно встретить повсюду. Да и те немногие особенности, которые отличают этого человека от человека других стран, не столь советские, как прежние, русские, так хорошо знакомые. Неужели 50 лет отчаянных усилий, крови и пота, борьбы и страданий, угнетения и пропаганды прошли без следа?

Нет, не без следа, не могли пройти бесследно, они коснулись этого рядового человека, и еще как коснулись, но опять-таки не так, как того хотела идеология. Человек этот, кажется, прежде всего человек ищущий. Люди с открытыми глазами и чуткой совестью всегда искали, но сейчас они ищут особенно напряженно, особенно пытливо. Ищут утерянную духовную свободу, ищут утерянные ценности, и опять-таки не новые, а вечные и ищут... того же человека. Не образцового коммуниста, не «героя социалистического труда», не идеологическую марионетку, а просто человека. Всматриваются пытливо в лица друзей и случайных встречных, в лица противников и врагов. И задают себе крамольный вопрос: враги ли те, кого так усиленно им представляют как врагов. Стараются понять инакомыслящих и инакочувствующих и разглядеть за их сначала чуждым образом все того же человека. «Их сострадание обращено на страдающих врагов в такой же мере, как и на невинно страдающих друзей» — возмущается официальная критика. Но разве страдающий и беззащитный человек — враг? Или же брат, которому надо протянуть руку помощи, не спрашивая его имени?

Человек оказался не подлежащим абсолютному воспитанию. Или не было воспитание Светланы Сталиной настолько абсолютным в коммунистическом смысле, насколько это вообще возможно? А результат оказался не тем, которого теоретически следовало ожидать. Особенно же трудно воспитывать, когда воспитатель не знает истинной природы человека, человека как такового. А марксизм ее совсем не знает. Под покровом наносной, назойливой и всемогущей пропаганды живет не какой-то особенный новый человек, а просто человек, приобретший внешне во многом иные привычки — их приобрел человек индустриального времени и в некоммунистических странах — но в глубине души все тот же человек, с теми же запросами и проблемами. Он не только не потерял самого себя, но и не стал глухим к тихому, но настойчивому,

проходящему сквозь шум машин, зову, от которого нельзя навсегда уйти, к зову Бога. И опять-таки новые поиски Его, новые пути к Нему лежат несколько иначе, внешне много труднее, внутренне иногда, как это ни парадоксально звучит, легче, чем те же поиски в странах вне коммунизма. Потому что и здесь ищут, ищут новых путей, новой, иначе, чем прежде построенной встречи все с тем же Богом. Эти поиски мучительны и ведут нередко круглыми путями, но за всей внешней разницей проступают черты все того же

человека в заблуждении и в истине, в преступлении и святости. Может быть, это самый важный урок страшного 50-летнего эксперимента по созданию нового человека: человек остался все тем же, так же как и все тем же остался Бог. Только понимание Его углубилось, так же как и понимание человека, прошедшего через страшные ошибки одностороннего примитивизма. И как бы ни были тяжелы перенесенные страдания, этот человек победит. Он уже изнутри побеждает.

И. А. Ильин

Кризис безбожия

Помещаемая нами ниже в несколько сокращенном виде статья принадлежит перу известного русского мыслителя Ивана Александровича Ильина.

В молодости своей Ильин примыкал к эсерам, от которых также быстро отошел, как отошли от марксизма Бердяев, Булгаков, Струве, Франк и др.

Дарования и деятельность Ильина были многосторонни. Кабинетный ученый, юрист и религиозный философ, создавший себе мировое имя работой о Гегеле, он одновременно не чуждался активной политической деятельности, которую вносил всю свою академическую эрудицию. Так же, как и П. Б. Струве, он ученый и политик одновременно. Поэтому он посвящает свои труды главным образом основным проблемам современности.

Одной из таких проблем посвящена и нижепомещаемая статья.

Историческое бремя, выпавшее нам на долю, исполнено великого и глубокого значения. Мы живем в эпоху чрезвычайной насыщенности и напряженности. Это эпоха крушения, подводящего итоги большому историческому периоду; это время испытания и обличения. Совершается как бы некий исторический, духовный смотр, жизненная «ревизия» духовных сил, путей и укладов современного человечества. Так, как если бы небесный Судия сказал человеку нашего времени: «Вот, я попусти силам зла и соблазна, силам искушающим и совращающим. И они развернут свое учение и строительство. А ты им в ответ откроешь душу свою и покажешь лицо свое. И будет великий суд над ними — по делам и плодам их; и над тобою — по исповеданию и противлению твоему».

И вот, согласно этому, неслышно прозвучавшему, но столь остро внятному нам в событиях гласу, — наше время развернуло перед нами сразу:

величайший подъем воинствующего безбожия и строжайший суд над выношенной человечеством за последние века и тысячелетия религиозностью. А если выразить весь этот процесс сразу единым словом, то мы должны будем охарактеризовать его, как кризис безбожия.

Слово «кризис» есть первоначально греческое слово. Оно происходит от глагола «крино», что значит «сужу». «Кризис» обозначает такое состояние человека, его души, его тела, или его дел и его творчества, в котором выступают скрытые силы и склонности; они развиваются, разветвляются, осуществляют себя, достигают в этом высшего, доступного им, напряжения, — своей «высоты» и «полноты»; тем самым они обнаруживают свою настоящую, скрытую дотолу, природу; они переживают поворотный пункт и как бы производят сами над собою суд. Это их перелом, перевал; час, в который решается их жизненная судьба. Это время их буйного расцвета, за которым начнется — или их крушение и преодоление, или же умирание того человека и человеческого дела, которое было захвачено этим кризисом.

Вот что я хочу сказать, говоря о «кризисе безбожия».

Как бы ни были тягостны для каждого из нас события, вызванные этим кризисом, мы не должны ни растерываться под их ударами, ни предаваться духовной слепоте. Рады мы или не рады, что родились в такую эпоху и что кинуты всевластной рукою в этот омут испытаний и опасностей, — мы призваны быть участниками событий; не просто «объектами» или пассивными жертвами, но активными, волевыми субъектами этого процесса. А для того, чтобы справиться с этой задачей, мы должны понять, в чем состоит глубокий смысл нашего исторического положения; чего ждет и требует от нас Судия, вызвавший нас на этот суд; какие силы имеются у нас

и как нам применить их в этой великой борьбе, как приложить их к тому историческому делу, участниками которого мы оказались. Мы должны понять смысл современных мировых событий; уразуметь, что смысл их выражается этими словами: кризис безбожия; и решить, какое место мы призваны занять в этом, развертывающемся перед нами процессе, — где во всемирном масштабе выступили, давно уже слагавшиеся и крепшие, но скрытые доселе силы безбожия, где они развернулись и достигли небывалой еще высоты, полноты, откровенности и напора, где они впервые обнаружили свою настоящую природу, и вот, на наших глазах как бы произносят сами над собою суд, решая свою судьбу, а вместе с тем и судьбу всего человечества...

Видим ли мы это? Разумеем ли мы эти события? И, если видим и разумеем, то где мы сами — сердцем и волею? И еще — нет ли в самих событиях этого кризиса таких явлений и признаков, по которым мы могли бы предвидеть его исход?

II

Если мы вслушаемся и вдумаемся в то, что говорят современные отрицатели Бога, то мы увидим, что их позицию можно свести к двум основным пунктам:

1. Нет никакого основания признавать бытие Бога.

2. Вера в Бога не только неосновательна и ненужна, но еще и жизненно вредна.

Все остальное, что они говорят и пишут, сводится именно к этим двум пунктам, к их развитию и детализации. Одни высказывают это в «благговоспитанной» форме салонного скептицизма; другие — в неделикатной форме иронической насмешки; третьи — в форме революционных декретов, револьверных выстрелов и динамитных взрывов. Но все вместе имеют в виду именно эти два тезиса: «вера в Бога есть неосновательное суеверие, предрассудок или лицемерие»; «вера в Бога вредна человечеству (или пролетариату), задерживая его прогрессивное развитие (или его классовую борьбу за водворение социализма и коммунизма)». Или еще проще, яснее и грубее: «верить в Бога — глупо; верить в Бога — вредно». Эти утверждения можно, конечно, затаить в себе, как свое личное, частное воззрение, — так делали в 19 веке многие русские интеллигенты из вольтерьянцев. Тогда эти тезисы видоизменяются, напр.: «верить в Бога глупо, а образованному человеку и непозволительно; но широкой массе, которая глупа, это глупое занятие может быть даже полезным, чтобы она смирялась, не бунтовала, не зверела, а послушно работала»... Понятно, что современная революция

не захотела и не могла признать эту оговорку. Ее тезис прямолинеен и последователен: «верить в Бога — глупо и вредно для всякого человека; особенно же для массы, ибо она-то как раз и не должна ни смиряться, ни покорно работать; масса призвана к восстанию, ей особенно глупо и особенно вредно верить в Бога, ей необходимо безбожие; нечего ждать, пока она сама потеряет веру: безбожие должно быть ей навязано в порядке государственной диктатуры — пропагандой, прямым и косвенным запретом, подачками, террором, истреблением духовенства, разрушением церквей».

Итак, известные разногласия среди безбожников имеются; их не следует замалчивать. Но основная мысль одна: глупо и вредно.

Кризис современного безбожия состоит в том, что люди обречены изжить до конца, до дна, до тла эти два утверждения о глупости и вредности веры в Бога. Люди должны *вжиться* их в ткань своей жизни, — в культуру, в нравственность в политику, в хозяйство, в строй семьи, в педагогику, в дипломатию, в науку; внести их содержание во все углы и закоулки человеческой цивилизации, заставляя ее «обновиться» и «переродиться» под воздействием этой «новой премудрости»; и затем — убедиться на деле и показать на последствиях этого «перерождения», что *отнимает безбожие у человека и что оно ему дает*...

Примем же и мы этот двойной тезис. Позиция им очерчена. Формула дана. Вызов брошен. От нас ждут ответа; честного, ясного, определенного. Мало того: *объясняющего и убедительного*. Мы должны *объяснить*, как это случилось, что люди дошли до этой «премудрости»; *объяснить* себе, и нашим детям, и им, этим «просветителям вселенной», которые пытаются уверить массы, будто они несут им «высшее миросозерцание» и «общественное освобождение». И далее, — мы должны дать *убедительный* ответ, т.е. доказать, что веровать в Бога не «глупо» и не «вредно»; что, напротив, именно безбожие есть дело глупейшее и вреднейшее из всех, затеваемых человечеством.

При этом мы понимаем, конечно, что человеку возможно не иметь веры или утратить ее; и это не глупость, а несчастье; и нередко этому несчастью можно и должно помочь. Но безбожие, как *правило жизни и программа жизни*, как план «прогресса», «счастья», «жизнеустройства» — есть жалкая глупость и погубительная вредность; и не к добру она посетила современное человечество, наподобие духовной эпидемии.

III

Как могло это случиться, что в двадцатом веке после Рождества

Христова люди начали вопить на весь мир о «глупости» и «вредности» веры в Бога?

Историко-культурное освещение этого процесса будет дано впоследствии в целом ряде ученых исследований. Мы можем здесь наметить только основные линии последнего периода.

За последние века человечество *оскудело внутренним духовным опытом* и прилепилось к *внешнему, чувственному опыту*. Сначала верхние, образованные слои утвердились на том, что самое достоверное, драгоценное знание идет к нам от общения с внешними, материальными вещами и приходит к нам через зрение, слух, обоняние, осязание и через их физическую или механическую проверку измерением (объема, веса и т. д.), подсчетом и, далее, логическим (то индуктивным, то формально-отвлеченным) рассуждением. Когда же добытые таким путем сведения о материальной природе и ее «законах» вступили в практическую жизнь, они совершили ряд технических и хозяйственно-социальных переворотов и захватили своим влиянием широкие, необразованные массы народа. Тогда эта обращенность к внешнему, чувственно-материальному опыту и эта отвращенность от внутреннего, нечувственно-духовного опыта — определили собой душевный и умственный уклад современного человечества. Правда, люди духовно-гениальные и прозорливые давно стали *понимать, что это ложный путь*. Но зато средние слои интеллигенции, поставляющие учителей безбожия, и особенно полуинтеллигенция, поставляющая учеников безбожия, — укрепились в этом миросозерцании и предали этой душевной практике с увлечением и даже ожесточением. Демократический строй девятнадцатого века дал прессу, влияние и власть именно этим слоям; и тогда все оказалось *предопределенным*...

Однако, этим обозначена лишь поверхностная сторона процесса. Необходимо взглянуть хотя бы несколько глубже.

Торжество чувственного, внешне-материального опыта над внутренним, духовным опытом повело к тому, что люди обратились и к религиозным содержаниям, и к Богу (как единому «Предмету» всякой религии) — с чувственными мерилami и материальным пониманием. Это могло повести только к отрицательному результату: *человек попытался воспринять Бога неверным душевным актом и не обрел Его*; и затем, не обрета Его неверным актом, он объявил, что Бога нет и что верить в Него «глупо и вредно».

Попытаемся довести эту мысль до полной ясности.

Тот, кто хочет увидеть картину, должен прежде всего открыть глаза и смотреть ими. Нелепо — завязать

глаза черным платком и прийти в картинную галерею, ничего не увидев и уйти, заявляя, что «это все обман», или «иллюзия», или «суеверие», — «ибо никаких картин там нет»...

Тот, кто хочет услышать сонату Бетховена, поступит нелепо, если пойдет в концерт, залив себе уши воском, с тем чтобы, ничего не услышав, уйти домой и заявить, что это был «сплошной обман» и никакой сонаты там не было.

Тот, кто должен исследовать форму и содержание чистого логического понятия, тот не имеет никакого основания обращаться к пинцету, ланцету или микроскопу; так понятие не воспринимается и не изучается; и смешно будет, если он впоследствии начнет уверять других, что логика есть вздор или беспредметное суеверие...

Все это можно выразить словами: *предметы, воспринимаемые человеком, различны и каждый предмет требует от человека особого восприятия, иного внутреннего подхода, другой установки, — верного акта.*

Для восприятия предметов у человека имеются в распоряжении следующие силы и способности:

1) Зрение, слух, вкус, обоняние, осязание и следующее за ними чувственное воображение; с этими способностями связаны *телесные ощущения* — боли, удовольствия, голода, холода, тепла, тяжести; все это — источники внешнего, чувственно-опытного, который присущ телесному человеку и открывает ему доступ к вещам внешнего мира.

2) Во-вторых, у человека имеются *внутренние, душевные силы* и способности, а именно — чувствование, воля, телесно несвязанное воображение и мысль.

Итак: а) *Чувствование*, т.е. так называемая «жизнь сердца»; это или аффекты, т.е. пассивно-страдающие чувствования, или же эмоции, т.е. активно изливающиеся чувства; таковы, напр., любовь, ненависть, жалость, злоба, зависть, радость, печаль, негодование, покаяние и др.

б) *Воля* или способность собирать свои внутренние и внешние силы, целесообразно направлять их, руководить ими, решать, совершать поступки, воспринимать свои полномочия, обязанности и запретности и строить свою жизнь.

в) Далее, человеку дана способность *воображать* содержания и предметы *невещественного характера* и притом воображать их то верно, то неверно. К таким предметам невещественного характера относятся, например, человеческая душа, духовный смысл, добро и зло и весь мир божественного откровения, религии и таинств. Все это и сродное человек переживает нечувственным воображением, духовным созерцанием, интуицией; причем эта интуиция отнюдь не есть нечто случайное,

произвольное или чисто субъективное; напротив, она требует большой, целесообразно построенной внутренней сосредоточенности, упражнения, очищения, планомерно-систематического осуществления.

г) Наконец, человеку дана сила мысли. Эта мысль отнюдь не связана с чувственными содержаниями и не сводится к их индуктивному анализу и синтезу; она осуществляется совсем не только в формах отвлеченного, плоского, формального рассудка. Она может принимать силу и строй разума, не только не противоречащего вере, «сердцу» и духовной интуиции, но творчески сочетающегося с ними и вдохновенно проникающегося их силами. Мысль способна мыслить не только чувственное и отвлеченное.

Это перечисление актов внутреннего опыта не есть ни классификация их, ни исчерпывающее описание, ни даже логическое определение их понятий. Это есть только приблизительное указание, которое нас здесь удовлетворяет. Все это вместе составляет великую и богатую сферу внутреннего душевно-духовного опыта, который и открывает человеку доступ к духовным предметам.

IV

Так раскрывает перед нами сущнейший закон человеческого опыта его *основная истина*, согласно которой человек способен *опытно воспринять предмет только тогда, если он обратится к нему верно*, верным «органом» тела и души, или же и тела, и души, или же духа, — когда он осуществит *верный, соответствующий предмету акт восприятия*.

Так, например, юрист, воспринимающий и изучающий право, должен обратиться к нему прежде всего — *духовною волею и нечувственным воображением*. Геометр, воспринимающий чистые протяженные фигуры, должен обратиться к ним прежде всего — *внутренним созерцанием чистой протяженности* и лишь затем *аналитическою мыслью*. Так обстоит всегда и во всем. Особый акт есть у скульптора, и особый у музыканта. Особый у геолога, и особый у психолога. И так далее. Каждому предмету соответствует особый акт верного склада и строения. *Неверный акт не воспримет предмета вовсе*.

В каком же неосновательном, непозволительном, глупом положении окажется тот, кто попытается воспринять предмет неверным актом и, потерпев неудачу, начнет утверждать и провозглашать, что «такого предмета вовсе нет», или, что «говорить о нем можно только от глупости или из лицемерия»?!... И вот именно в таком непозволительном положении находятся безбожники.

Когда они говорят: «где Бог? покажите нам Бога! ему нет места ни на земле, ни в звездном простран-

стве! где он находится?... и когда мы не можем дать им ответ на этот нелепый и философски безграмотный вопрос, а они, видя наше затруднение, начинают торжествовать и отрицать бытие Божие, — то истине, торжествуют они преждевременно и сослугу: ибо Бог не есть материальная вещь, находящаяся в пространстве. И человек, который не может или не хочет воспринять что-нибудь иное, который не понимает, что помимо протяженных и пространственных вещей есть *непротяженное бытие, нематериальные предметы*; человек, который по духовной наивности своей на все замахивается вопросом: «где это находится?», который желает все видеть телесным глазом, трогать пинцетом или определять химической формулой, который отрицает все, что «не можно ни взвесить, ни сместить»¹⁾ — этот человек является слепым приверженцем своей собственной слепоты. Он уподобляется тому существу, о котором Крылов рассказывает, будто оно не знало, откуда берутся жолуди и не знало именно потому, что не умело поднять голову вверх (т.е. изменить и приспособить свой воспринимающий акт).

И в самом деле: смотрящий в землю не увидит звезд. Прилепившийся к внешнему опыту не увидит реальностей внутреннего опыта. Человек, лишенный творческого созерцания, не сознает в искусстве ничего художественного. Человек, подавивший в себе совесть, не отличит добра от зла; ибо совесть есть верный орган, верный акт для восприятия и отличения этих предметов. Безвольный человек не может править государством. А человек, искоренивший или растливший в себе духовность, не воспримет Бога.

Если мы представим себе на миг инфузорию о двух измерениях, т.е. имеющую длину и ширину, но не имеющую третьего измерения, высоты или глубины, и заключенную в очерченный на плоскости круг, — то мы увидим, что она не только не в состоянии выползти из этого круга; но что она и представить себе не может, какие такие бывают существа о трех измерениях. Дайте ей созерцательный акт трехмерного строения и она мгновенно постигнет, в чем дело. Дайте ей самой третье измерение, и она мгновенно переползет через линию окружности. И если она, как двумерное существо, пропадая в кругу от своей двумерности, издевалась над нами, ее трехмерными наблюдателями, и самодовольно праздновала свой мнимый «ум» и нашу мнимую «глупость», — то став трехмерной и постигнув свою нелепую ошибку, она, пожалуй, так сконфузитесь за свое прошлое поведение,

¹⁾ См. у графа А. К. Толстого «Пантелей целитель».

что от стыда вернется в свой заклáтый двумерный круг; ибо она поймет, что на самом деле было глупо и вредно...

Однако, для нас гораздо важнее, чтобы мы сами постигли позицию безбожника. Ибо, если безбожник в заблуждении и нам надо опровергнуть его и обличить, то мы должны прежде всего постигнуть, что происходит в его душе и от чего он исходит, когда объявляет веру в Бога вредною глупостью. Чтобы победить, надо изучить противника. Чтобы помочь больному, надо постигнуть его болезнь. И потому наша первая задача состоит в том, чтобы постигнуть позицию безбожника лучше и вернее, чем он сам ее понимает. Ибо он предается ей слепо, упорно, неистово; ожесточаясь от слепоты и ослепляя себя своею ожесточенностью; а мы не приемлем его акт, и, отвергая его, мы должны постигнуть его и овладеть им. И в этом наша первая задача.

V

Почему безбожник отрицает Бога и веру в Него? Потому, что в его личном опыте «нет места» для Бога; причем он, однако, воображает, что его «опыт» есть единственно «верный», «нормальный», «здоровый» и образцовый; тогда как мы, напротив, утверждаем, что его опыт есть односторонний, скудный, урезанный, плоский, ошибочный и что, следовательно, отсутствие Бога в его опыте — ничего не означает, кроме того, что опыт его скучен и недостаточен.

И вот, спор с ним возможен и будет победоносен именно при таком понимании и только в этой плоскости. Мы должны сказать ему: «что ищешь Живого с мертвыми?» Или, иначе, «что ищешь духовного среди чувственно-бездуховных содержаний и материальных вещей?» «Обнови свой акт — и увидишь Бога! А пока пытаешься воспринять его неверным актом, суждения твои о Нем будут глупы и непримечательны»...

Бог есть Дух и открывается только духовному опыту, только внутреннему, духовному оку. А вы, отрицатели Бога, отвергаете духовность человека, провозглашаете сенсуализм, т.е. исключительное торжество чувственного опыта, и материализм, т.е. исключительное бытие материи и тела... Уставившись на мир чувственно-материальным глазом, вы, конечно, не находите Бога, как не нашли бы Его при таких условиях и мы сами. Но вы не только ослепили свое собственное око и оставили себе одни телесные глаза, но вы стремитесь лишить и нас, и вообще всех людей духовного ока. Вы объявляете нам сначала — осуждение и пренебрежение, а потом прямое гонение на смерть. И вызов ваш мы принимаем, а угроз ва-

ших мы не пугаемся. Мы должны показать, что мы зрячие и обличить вашу слепоту.

Бог есть Любовь и открывается только живому любящему сердцу. А вы, отрицатели Бога, презираете начало любви, как проявление сентиментальности и рабства, и провозглашаете классовую ненависть; как единственный верный путь жизни, и кровавую, мстительную революцию, как единственное спасение человечества. Уставившись на мир и на людей сердцем, полным страха, зависти и злобы, вы обращаетесь тем же самым актом и к Богу, и начинаете ненавидеть и поносить Его, как существо якобы «злое» и «угнетающее», и стремитесь навязать те же чувства и то же воззрение и нам. А мы в ответ должны показать, в чем ваша ошибка и почему вы отрицаете Бога...

Как это просто и ясно: Бог постигается духом и любовью, и затем, — из духа и любви, — Он созерцается нечувственным воображением, совместно волею и вдохновенно мыслью. Люди, лишенные духа и любви, и не хотящие или не могущие жить ими, — что могут они сказать о Нем? Только то, что «Его нет»; что верить в Него не следует; что это — глупо и вредно...

Почему глупо? — потому что неосновательно и суеверно. Зачем верить в то, чего нет? Умно ли это? Люди без всякого основания верят в ложные слухи. Умно ли это? Нет, глупо. Люди от суеверия верят в то, что встретить похороны — к добру, а встретить священника — к несчастью. Это суеверно и глупо. Вот так же глупо верить в Бога, если его нет; а безбожники уверены, что Его нет; ибо, говорят они, мы Его не видим в мире внешних вещей, — значит Его нет, ибо кроме внешних вещей на свете ничего не существует; а потому — верить в Него глупо.

А почему верить в Него вредно? Потому, что, по мнению безбожников, вера проистекает не из верного, предметного видения, а только из страха и невежества: люди верят только от страха и боятся от веры; и чем больше они верят, тем больше боятся; и обратно: чем больше боятся, тем больше верят. А страх, да еще неосновательный страх, — унижает человека, подрывает в нем веру в свои силы, подрывает его творчество и отдает его во власть того сословия (духовенства!), которое питает и поддерживает в нем эту трусость. Страх есть порождение рабства и источник нового порабощения; а неосновательный страх вызывает к тому же в людях — покорную пассивность и нелепую надежду на то, что несуществующего Бога можно умолюбить, склонить на свою сторону и получить от него помощь. Вот

почему вера вредна прогрессу и свободе.

VI

Уразумев все это и формулировав так воззрение безбожников, мы выходим в самый глубокий тыл нашего противника. Мы не только верно обозрели его позиции, но мы научились еще говорить на его языке и думать его мыслями; мало того, мы поняли его основные, фатальные для него, ошибки и узнали, где его слабые места. Мы понимаем теперь, почему они не умеют верить в Бога и почему они утверждают, что эта вера «глупа» и «вредна». Мы видим теперь, в чем состоит тот глубокий кризис, который породил современное безбожие.

Цивилизованное человечество наших дней оскудело духом и любовью и ожесточилось. Причины этого явления глубоки и сложны; они заложены в вековом развитии нашей цивилизации. Если свети их к единой формуле, то надо будет описать причину современного кризиса так:

Это есть торжество — рассудка над интуицией и вдохновением, расчета и интереса над сердцем, механического над органическим, количества над качеством, внешнего опыта над внутренним опытом,

«волка» над «ангелом»...

Все это, вместе взятое, определяется, как духовный кризис.

Многие «внешние» причины содействовали наступлению и распространению этого кризиса: размножение и уплотнение народонаселения; технические открытия, создавшие новую промышленность; развитие капитала и связанное с ним новое деление на классы и обостренное расхождение этих классов; образование промышленного пролетариата и крупных городов, население которых отрывается от природы и покоряется машинной жизни; революционный выход масс на поверхность жизни;

распространение полуобразованности и демократизация государств;

стремительные и назойливые успехи материальной цивилизации и связанная с этим всеобщая жажда материального комфорта и чувственных наслаждений... — и многое другое, на что невозможно здесь и указать.

Все это вело и ведет к одному — к оскудению человечества в духе и в любви, причем это оскудение не только осознано себя, но и одобрило, узаконило, возвеличило себя и, вслед за тем, сорганизовалось (сначала в партийном, потом в государственном масштабе), перешло в наступление и завоевало целый ряд существенных и влиятельных позиций.

Духовен человек постольку:

1. поскольку он живет *внутренним опытом*, а не только и не просто внешним, телесно-чувственно-материальным;

2. поскольку он умеет отличать нравящееся, приятное, дающее наслаждение, — от того, что *на самом деле хорошо*, объективно-прекрасно (истинно, нравственно, художественно, справедливо, правомерно, божественно); все это познается и устанавливается только во внутреннем опыте и через его посредство;

3. поскольку он, различая эти два ряда (субъективно-приятного и объективно-совершенного) умеет *прилепляться* именно к совершенному, добиваться его, служить ему, беречь его, насаждать его и, в случае необходимости, умирать за него.

И вот, во всеобщей погоне за удовольствиями и выгодами, современное человечество *растеряло это духовное измерение деяний, событий и вещей*; оно *разлюбило духовность в жизни*; и вместе с тем разучилось и любить, а научилось ожесточаться и ненавидеть. В наши дни люди ищут наслаждений и пользы, а о духовном совсем и не вспоминают (пассивное безбожие); они трепещут не от совершенства и близости к нему, а от земных, чувственных сладострастий всех родов и видов, пресыщаясь ими, добываясь все новых раздражающих ощущений и хладая ко всему иному.

Но, — что еще поучительнее, — человечество наших дней выдвинуло и соответствующие *теории, учения и доктрины*, определяющие и обосновывающие такую жизнь. Таковы учения — *гедонизма*, сводящего смысл жизни к «наслаждению», *утилитаризма*, успокаивающегося на «полезности» деяний и вещей, *экономического утилитаризма*, с его классовой борьбой из-за земных благ и стремлением к их «равному распределению»... и т.д.

Однако, и это все могло бы быть не более, чем тягостным заблуждением или временным ослеплением, — если бы, например, оказалось, что человечество на самом деле ищет *совершенного* и только случайно ослепилось и соблазилось соблазном сладострастия, — подобно Одиссею, который спремится на свою родину и лишь временно застревает у нимфы Калипсо, или подобно паломнику, идущему в Иерусалим и соблазняющемуся в пути на краткий миг земными утехами. Мы отнюдь не ригористы, не педанты и не изуверы, хотящие осудить жизнь инстинкта и жажду счастья; человек есть человек и не может обойтись без человеческого. Страшна не земная утеха, не чувственная радость. Страшно то, что люди наших дней *не хотят ничего иного*; что они отрицают дух и любовь и ожесточаются в этом отрицании; что они канонизировали этот нигилизм и принялись за его

воинствующее распространение — словом, страхом и силою (активное безбожие). На наших глазах возник *воинствующий мировой центр*, хотящий навязать *всему человечеству*, — словом и примером, лукавством и преступлением, мукой и нищетой, террором и кровью, — *уклад бездуховный и противоположный*, навязать всем людям *слепоту безбожия и ожесточенность в этой слепоте*. И еще страшно то, что остальное человечество видит эту затею и в огромном большинстве своем безразлично молчит или предательски споспешествует этой затее.

Вот где дно *современного духовного кризиса*; вот где раскрывается природа современного безбожия со всей его самоупоенной воинственностью. И, видя это дно и эту воинственность; разумея великую опасность соблазна, идущего от активных безбожников к пассивным безбожникам; приветствуя разумом, и сердцем, и волею всякую благородную попытку противостать этому соблазну и остановить его победное шествие, — мы должны, мы призваны внутренне подготовить себя к борьбе с этим безбожием, научиться побеждать его духом и любовью — и в себе, и в других, и уразуметь переживаемый им кризис, всю его внутреннюю безнадёжность и обречённость. Крушения ему не миновать; вопрос лишь о том, погибнет ли в этом крушении наша духовная культура и погибнут ли десятки и сотни миллионов людей в соблазне, в муке и в унижении.

VII

Все то, о чем я говорил доселе о кризисе безбожия, составляло как бы оборону. Нападение шло не от нас, а от безбожников. Это они утверждали, что «веровать в Бога глупо и вредно», а мы исследовали их базу, проникали в их тыл, устанавливали слабые места их фронта и наносили им полемические удары.

При этом мы установили следующие:

1. Опыт человека не единообразен, а многообразен.

2. Этот опыт должен верно соответствовать воспринимаемому предмету.

3. Неверный опыт уводит от предмета, но не дает человеку ни малейшего права судить о предмете, — *есть он, или нет его и, если есть, то каков он*.

4. Бог воспринимается *духом и любовью*, а современные безбожники отрицают начала духа и любви.

5. Поэтому современные безбожники не могут судить о Боге; они слепы в своем видении и бессильны в своем суждении; отрицание их несостоятельно, а воинственность их стремится навязать другим их собственную слепоту.

Но все это есть лишь обличение и оборона. Теперь мы сами перей-

дем в наступление. В этом наступлении должны быть, конечно, две стороны: сторона аргументов и сторона жизненных поступков. Я имею в виду пока лишь аргументы.

Мы возвращаем безбожникам их тезис. В Бога верить не глупо, а разумно и мудро. В Бога верить не вредно, а окрыляюще, благодатно и спасительно. Отрицать же Бога — презрительно и презловредно. Почему?

Потому что живое и подлинное общение с Богом есть — главный и священный источник *творческого вдохновения*, главная и неистощимая опора *настоящей, истинной науки*, главная основа чистой и могучей *совести*, месторождение *окрыленного, гениального искусства*, абсолютная основа *характера*, неколебимый фундамент *благородного государственного и политического правосознания и патриотизма*, живой источник *любви, доброты, жертвенности и социальности*, величайшая гарантия *волевой дисциплины и беззаветной храбрости*....

Вера в Бога есть главное и единственное, что может *освятить земной труд* человека, осмыслить в процессе хозяйствования дух творчества, художества, *качества*, дух доброты, справедливости и щедрости.

Русская пословица давно высказала это: «без Бога — ни до порога»... и она была в этом права и мудра.

И обратно: там, где воцаряется безбожие, — иссякают глубочайшие и чистейшие ключи духа, питающие и освящающие жизнь человека на земле. *Безбожие* означает, что в человеке *иссякает духовность и любовь*; ибо тот, кто живет духом и любовью, тот *несет божественное начало в самом себе* и вследствие этого *начинает созерцать Бога в духовных небесах*.

VIII

В этих словах я выговорил самое важное, чего не понимают безбожники. Они все думают, что «Бог» — это какая-то вне нас находящаяся вещь, сила или существо, которое «противостоит» человеку и по бытию, и по изволению, и по своим велениям и запретам; и, думая так, они не находят такого существа в мире внешней природы, и твердят, что его нигде и вовсе нет. Они думают, что верующий человек противостоит своему Богу, трепещет, повинуюсь, грешит и заискивая перед ним. При этом они не разумеют главного, а именно, что *Бог есть Дух, духовно вступающий в человеческую душу и озаряющий ее изнутри*; освещающий ее; насыщающий ее своей благодатной силой; очищающий ее; дарующий ей силу молитвы, терпения, разумения, подвига, — *власть видеть, учить и вести*. Этого сокровенного, но реаль-

ного и благодатного единения человека с Богом — они не в состоянии понять; и потому они не понимают того, что отрицают и над чем издеваются.

Это единение человека с Богом, составляющее самую глубокую и основную сущность веры, религии и молитвы, можно было бы описать совсем просто так. Есть основной, духовный закон, владеющий человеческой жизнью. Согласно этому закону, человек неизбежно уподобляется тому, к чему он прилепляется любовью, верою и помыслами. Чем сильнее и цельнее эта прилепленность, тем явственнее и убедительнее обнаруживается этот закон. Душа человека пленяется тем, что она любит и во что она верит и вследствие этого оказывается как бы в плену. Это содержание начинает преобладать и господствовать в душе человека, поглощает ее силы и заполняет ее объем. Человек ищет своего любимого и веруемого предмета, занимается им явно и тайно. Он «медитирует» о нем, т.е. сосредоточенно помышляет о нем всеми душевными силами. Вследствие этого душа вживается в этот предмет, а любимый и веруемый предмет проникает в душу до самой ее глубины. Возникает некое подлинное и живое тождество: душа и предмет вступают в тесное единение и образуют новое, живое единство. Тогда предмет веры сияет и сверкает в глазах у человека, сжимает трепетом его сердце и вызывает в его душе волевые решения, превращающиеся в поступки.

И вот, если человек испытывает Божие бытие и верует в Бога, или хотя бы в божественное начало, проявляющееся в земных явлениях и обстоятельствах, — то божественные содержания становятся для него живым центром и в созерцаниях, и в поступках; — чем-то важнейшим, главнейшим, любимым, исконным, желанным и, в силу этого, — всегда присутствующим в душе обстоянием. Веровать в Бога — значит стремиться к созерцанию Его, молитвенно медитировать о Нем и к Нему, наполнять свою душу Его благою и совершенною волею. От этого усиливается и разгорается божественный огонь в человеке. Он очищает его душу и насыщает его поступки. На высших ступенях такой жизни возникает живое и таинственное единение между человеком и Богом, о котором так вдохновенно писал Макарий Великий, характеризуя это единение, как «срастание» или «срастворение», от которого душа становится «вся — светом, вся — оком, вся радостью, вся упокоением, вся любовью, вся милосердием, вся благостью и добротою». Это-то и имел в виду Апостол Павел, когда писал: «А соединяющийся с Господом, есть один дух с Господом» (1 Кор. 6.17).

Естественно, что от единения с Богом даже на низших ступенях рели-

гиозности изменяется и внешний вид человека, о чем он сам может и не знать, но что видят или чувствуют окружающие его. Такие люди легко узнают друг друга, ибо из них ощутительно излучается благодать Божия; а сами они становятся боговдохновенными людьми, будь они священниками, художниками, учеными, воспитателями или государственными людьми²⁾.

Так действует этот закон у верующих людей. На подобие этого он действует и в душе у безбожников. Человек, помышляющий только о земных наслаждениях, как о главном в жизни, незаметно уподобится бездуховному животному, что и выразится в его глазах, в его лице, в его походе и в его поступках. Человек, верящий в завистливое равенство, в классовую ненависть, в насилие, неизбежно станет и сам профессиональным завистником, лицо его станет свирепым, а глаза кровавыми. Алчущий разбоя — становится разбойником и по делам, и по выражению лица; медитирующий о сатане получает дьявольское лицо и начинает совершать дьявольские поступки.

Так действует закон духовного отождествления через веру. А верят

²⁾ Само собою разумеется, что ни одна человеческая душа не способна вместить Бога целиком и что Бог не исчерпывается ни одним человеком, ни всеми людьми вместе. Бог есть объективно сущий «Предмет», а не только «содержание» или «акт» человеческой души. Бог не только «имманентен» человеческому духу, но всегда еще и «трансцендентен» ему (хотя и не в смысле кантовской «недоступности»). Однако, отношение человека к Богу ведет к Его «имманентности». Сие добавляется во избежание наивных кривоистолкований.

Н. И. Осипов

Тысяча и сто

*Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, русская звезда?
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?
Или навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?*

Ф.И. Тютчев

Тысячелетие русского государства не оказалось национальным праздником. Народ остался к нему равнодушен и даже не пытался его осмыслить. Русское образованное общество — сливки дворянства, чиновничества, разночинцев — явно затруднялось в подведении итогов тысяче-

— все люди; верят и безбожники. Только они верят не в Бога, как в источник всякого духовного совершенства, а в земные, богопокинутые и потому злые силы. Они верят в механически движущуюся материю, в телесные потребности человека, в бездуховную и нравственно-безразличную природу человеческого инстинкта; в силу ненависти, в творческую мощь зависти, в действие страха и голода; в механическое порабощение людей, в продуктивность несвободного рабского труда, лишенного участия любви и вдохновения; в механическую вселенную, в механического человека, в механическое хозяйство и общество. Следовательно, они не понимают, что органическое, свободное, любящее вдохновение есть первое условие достойной творческой жизни на земле; что это вдохновение есть дуновение Божие в человеке и в его земной культуре; что верить, любить, вдохновляться и творить нельзя по принуждению, а можно только свободно; что Божие дело есть живое и свободно-органическое, а дело ненависти, зависти, страха, механического порабощения и всезапопляющей лжи — есть дело обреченное, провальное, гибельное, — дело дьявола. И потому-то, о чем они день и ночь медитируют; то, чем они одержимы, чему они служат; тот дух, с которым они вступают в единение, — есть дух распада, крушения, гибели, смерти. Этот дух проявлялся в истории человечества и до них и при том не раз. Но с таким ожесточением, с такой последовательностью, сознательностью, воинственностью — он не проявлялся еще никогда. Они вступили на этот путь впервые. И тем самым они вызвали кризис этого духа, — кризис безбожия: его максимальный подъем и его всесветное обличение. И этот-то кризис мы ныне и переживаем.

летнего бытия и предавалось тревожному раздумью. Слабо слышался звон зазданных чаш, но не было недостатка в мрачных опасениях, скептических и иронических речах, правда, не предававшихся писанию. Несколько позже К. Леонтьев сказал, что прожили мы много, сделали мало, и Бог весть, что нас ожидает, и что мы стоим повидимому на каком-то страшном рубеже. К. Леонтьев был одинок и, можно сказать, рожден для одиночества, но пессимизм его, по другим мотивам разделяли многие. И вряд ли ошибкой будет сказать, что на празднике тысячелетия праздничного настроения было немного.

Это происходило потому, что Россия чувствовала себя стоящей на распутьи. Это был самый значительный, самый роковой рубеж, через который пришлось перевалить русскому народу, рубеж перед которым далеко на задний план отступают такие испытания как Куликово поле, Смута, дело Петра Великого, Бородино. Только что рухнул строй, который воспринимался как саван, в который облечено было живое тело России. Только что с высоты трона возведена была революция, может быть величайшая из всех, какие только знала история. Оценить все ее значение тогда, на ее рассвете было невозможно. Прошлое не вызвало добрых чувств, будущее оставалось загадочным и тревожным. В прошлом видели торжество авторитарной силы, деспотизм, рабство, и даже не порабощение личности, а просто ее отсутствие. Даже и порабощать было некого. Главный упрек Петру бросил Герцен: «Для него государство все, человек ничто».

Великие реформы императора Александра II вызвали — это кажется странным теперь — мало энтузиазма. Мне кажется я не ошибусь, если скажу, что это произошло потому, что они были дарованы сверху. Ни одной Бастилии не было разрушено; на стогнах русских городов не было воздвигнуто ни одной гильотины. И потому не было кипения страстей. Французская революция 1789 г., украшенная именем великой и такая маленькая по сравнению с делом императора Александра II и его сподвижников, продолжала поражать своим эффектом и величием даже тех, кто не желал у себя дома никакой революции. А мы творили наши реформы одну за другой без бенгальских огней и как-то смиренно. Еще не было той меры, которой можно было бы мерить новую Россию, созданную волею Царя-Освободителя, да не было еще и этой новой России, хотя не было уже и старой. Словом, оглянуться на прошлое и попытаться что-нибудь рассмотреть в будущем оказалось делом совсем не простым и не легким.

Прошло сто лет. Мы совсем в ином положении, чем люди 1862 года. За нашими плечами опыт, которого у них не было, опыт огромный и двойной. Ибо мы пережили 2-й петербургский период и его крушение или, что одно и то же, крушение России.

2-й петербургский период (1855-1917) не только хронологически следует за первым, но он из него вытекает, хотя в то же время является его отрицанием. И теперь оглядываясь на этот период, который к моменту своей безвременной кончины стоял накануне своего расцвета, и когда ясны были неотвратимые тенденции его развития, его свершения и его возможности, мы не можем не видеть, что он был исполнением за-

вещания того самого тысячелетия, которому мы воздвигли памятник, но смысл которого полностью уразуметь не могли.

Русское государство, которое существовало, вероятно, раньше условной летописной даты 862 г., но прочно было оформлено только варягами (пришлыми или домашними — дело темное) по совершенно ясному указанию летописи было не славянским, а славяно-финским. Имело ли место призвание варягов или варяжское завоевание или не было ни того другого — для решения этого вопроса у нас нет данных. Советский лукавый и слишком целеустремленный псевдо-патриотизм особенно чувствителен к норманской теории, ибо факт, который она утверждает, кажется ему унижительным для великого русского народа, и потому подлечит безусловному отрицанию. Последовательно развивая эту точку зрения нужно отвергнуть факт 240-летнего владычества татар над Русью, Крымскую войну, ибо она кончилась Парижским миром, Японскую войну 1904-1905 гг., ибо за нею последовал Портсмут. Но — нанесли ли еще рану советскому псевдопатриотизму? — ведь и в доваряжском прошлом нет причины нам искать большого ранга. Славянские обитатели восточно-европейской равнины пережили четырежды иностранное завоевание и последовательно находились под властью греко-римлян, готов, аваров, хазар. Как авары обходились с дулебами (славянское племя) об этом летопись повествует особенно красноречиво. Как бы то ни было, когда пробил исторический час, на Днепре, Оке, Волге и Волхове сложилось государство и оно оказалось в конце концов не финским и не варяжским, а русским. Наша история, какою ее нам дал Бог, не нуждается в подчистках и подмалевках. Наши великие историки — Карамзин, Соловьев, Кавелин, Ключевский, Платонов, рисуя портрет субъекта нашей истории не лстили оригиналу. Беспощадную правдивость изображения они завещали нам, как первейший долг и добродетель историка. Мы не заинтересованы в фальсификациях и навсегда сохраним к ним брезгливое отношение.

Наше государство родилось под несчастной звездой. Оно стало великим и не только в географическом смысле, но каких кровавых и нравственных жертв это потребало! И это были не завоевательные, а оборонительные подвиги. Недаром в нашей истории так силен пафос обороны. Псков, Смоленск, Троице-Сергиева лавра, Севастополь. А во времена русско-турецкой войны Плевна отозвалась в русском сердце не такою гордостью как Шипка, «На Шипке все спокойно» — эти слова заслуживают быть вырезанными на русском государственном гербе.

Уже у колыбели подстерегали русское государство беспощадные и бесстыдные агрессоры. Не говорим о печенегах и половцах: те не стремились к подчинению России, а смотрели на нее, как на объект грабежа. А затем Орда, Литва, шведы, Польша, Орден, позднее турки, французы, немцы. Обошлось кое-как: Орда, Литва, Орден и Польша — прекратили свое политическое существование; Швеция и Турция были введены в их естественные границы.

Крещение Руси при князе Владимире определило историческую судьбу России. Россия потянулась не к блистательному Востоку Аббасидов, а к Византии. Ее историческая почва была общею у всех индоевропейских племен, заселивших Европу. Теперь она бесповоротно примкнула к средиземно-европейской культуре, принятой всеми народами Европы. Ее отличия от Зап. Европы несомненны; ничуть не менее несомненно то общее, что их соединяет.

О татарском завоевании Ключевский говорит, что им объясняется не один культурный недочет русской жизни. Задержка в нашем культурном развитии была следствием варварского завоевания. Запад не помогал нам преодолеть нашу культурную отсталость, наоборот всячески ей способствовал, чем и собирал «угле на собственную главу». Впрочем, час расплаты за узко-своекорыстную и близорукую политику Запада пришел очень поздно, и связь между причиной и следствием не кажется самоочевидной и не может быть изъяснена в нескольких словах. Отложим на время эту тему.

Россия создавала свое государство в крайне неблагоприятных условиях. Оно сложилось в своем своеобразии еще под ханской властью.

Оно не было простой копией татарских порядков, его формы нельзя объяснить татарским влиянием. Оно было просто суммой целесообразных реакций и на политическую раздробленность страны, и на татарское владычество, и на вечную агрессию Запада. Государственный строй русского средневековья не был никем изобретен. Наше государство просто отлилось в формы единственно возможные и вполне целесообразные в условиях, властно диктовавших принятие неизбежных решений.

Это было тягловое государство. Оно означает чрезвычайную силу государства, властно формировавшую общественную структуру. Народ оказался в руках государства мягким, как воск. Верный инстинкт ему подсказывал, что дело идет о жизни и смерти и что единственное спасение заключается в подчинении требованиям государства.

Тягло — это закрепощение государству сословий, иные из которых государством же и создавались. Крестьяне были крепостными помещи-

ка, помещики крепостными государства. Крестьяне обязаны были работать на помещика, землю пахать и всякое изделие делать, чем изоброчит. Помещик обязан был служить государству, не слезая с коня, пока не складывал где-нибудь в бою головы за великого государя или пока не получал отставки за дряхлостью или увечьем. И земля, на которой сидели его крестьяне, была не его, а великого государя и давалась ему в пользование не за службу даже, а как условие, без которого «службу государеву тянуть было немочно». И тянул под угрозой кнута, в случае если он «государево жалованье запустошит». Суров и неумолим был режим государевой службы и государева тягла.

Тягловый строй не обязан был своим существованием ничьему произволу. Ничего общего между этим строем и произволом не было. Произвол мог действовать на тягловый строй только разрушительно. Оттого народ не только подчинялся ему — подчинялся он и татарскому баскаку — но принимал его, смотрел на него, почти как на закон природы и видел нравственную обязанность в подчинении ему. Отсюда та монолитность национального сознания в XIV-XVI веке, какой позже русская история не знает.

Этот тягловый строй был строем самодержавным. Когда стали испытывать потребность оправдать этот строй идеологически, обратились к византийским источникам. Но русское самодержавие главное свое оправдание имело в своей русской безотлагательной и жгучей потребности, а не в отвлеченном желании следовать византийскому образцу. Русское самодержавие совсем не литературно по своему происхождению. И потому литературная аргументация могла быть очень слабой. Она могла ссылаться на легенду о белом клобуке, — плод творчества Д. Герасимова в XV в. или сочинить рассказ о царских инсигниях, присланных будто бы греческим императором Владимиру Мономаху или выдумать небывалую родословную Рюрику, который происходил будто бы от Прусса, никогда не существовавшего брата императора Августа. Дело не в этих слишком уязвимых для критики построениях, а в том, что ни малейшей потребности в критике не было. Зато была огромная потребность в самодержавии, и литература только служила целям выражения и идеологического оформления этой потребности.

Делу укрепления самодержавия и освящения его принципа усердно послужила русская церковь. В этом великая ее заслуга перед русской историей. Но всякое хорошее дело имеет свою плохую сторону. Так и тут: возвеличивая самодержавца и видя в нем епископа внешних дел церкви,

церковь попала в слишком большую зависимость от государей, от чего страдало и достоинство ее митрополитов и патриархов и авторитет самой церкви. На чрезвычайное прискорбных последствиях этого обстоятельства я здесь останавливаться не буду.

Самодержавие — важнейший принцип нашего государственного бытия от XIV до XX в. Оно запятнало себя эксцессами в особенности при Иване IV и Петре I. Но его роль отнюдь не исчерпывается эксцессами. Она выражалась не в пассивности, не в консерватизме. Она была творческой и инициативной. Национальные задачи возникали одна за другою и самодержавие всегда решало их, иногда в соответствии с чаяниями общества, иногда навязывая ему свою волю и влача его за собой, иногда очень удачно, даже гениально, иногда до крайности неуклюже, иногда просто ошибочно. Создание служилого класса, закрепощение сословий, объединение Руси, освобождение от татарской неволи, защита от внешних врагов, освоение территории до Черного моря и Тихого океана — со всем этим связано много славных страниц русской истории. И когда пришло время освобождать крестьян, — и это дело было выполнено самодержавием и при том с таким блеском, который не часто встречается в истории. По воле самодержавия возникла Академия Наук и Московский университет и начало прозябать, а потом пышно цвести русское просвещение. И на этом не кончились услуги русскому народу, оказанные самодержавием. Оно еще совершило грандиозное дело индустриализации и железнодорожного строительства и осуществило аграрную реформу, связанную с именем П. А. Столыпина. Очевидно, самодержавие не случайное несчастье, не болезнь национального духа, а выражение одной из сильнейших закономерностей в нашей истории. Оно не вечно, разумеется, вечно в истории нет. Но оно выполняло историческую миссию, которую очевидно, другие формы государственной власти выполнить были неспособны. И оно сошло со сцены, не исчерпав своих возможностей. Заменить его оказалось нечем. Конституция не имела корней в народном духе. И самодержавие тем не менее ввело конституцию и оно заботилось — и больше никто, — чтобы хилое растение пустило корни и укрепилось в русской земле.

Реформы Петра были делом назревшим и национально необходимым. Проводились они с величайшей энергией, с убеждением, что не может быть таких жертв, которыми жаль было бы заплатить за амстердамскую выучку, руками невежественных закоренелых казнокрадов, и руками самого Петра, который до конца не понимал своего дела и от-

личался самоуверенным и агрессивным фельдшеризмом. Дорого заплатили мы за счастье быть присвокупленными к прочим политичным народам. Петр не щадил ни материальных средств, ни нравственных сил народа.

Петровская реформа страдала неисцелимым внутренним противоречием. Ее основная идея, может быть, не вполне ясная для Петра, но очень ясно выраженная Феофаном Прокоповичем — это идея личности, сознательно и добровольно служащей государству. Но осуществлялась реформа старыми испытанными московскими методами, обостренными до последней возможности. Петр не отверг тягла, несовместимого с идеей автономной личности, но довел тяжесть тягла до крайних пределов. Возникло противоречие, которого Петр так и не осознал до конца дней своих. Он умер в тревоге за свое дело, когда в его окружении противоречие было уже осознано, и забродили мысли о его устранении. Проблема была поставлена и через какие-нибудь 4 десятка лет разрешена с большой смелостью. Но решение оказалось удивительно однобоким.

Главным орудием дела петрова было русское дворянство, которое обязано было усвоить европейскую премудрость, в первую очередь техническую, но никаких препон для ознакомления с духовной стороной европейской жизни поставлено не было. Дома русский дворянин, совершенно свободный от страха перед западными соблазнами и не совсем чуждый этим соблазнам, очутился под страшным прессом московского тягла, которое особенно пыльным цветом расцвело в невьском парадизе. На дворянине лежала страшная техническая исполнительская ответственность, но он был совершенно свободен от ответственности нравственной: она лежала всецело на монархе.

Прямым и неизбежным следствием реформы Петра было возникновение у нас дворянской культуры. Это непредвиденное Петром важнейшее и чреватое роковыми последствиями явление в нашей истории. Строго говоря, у нас ничего нет, кроме дворянской культуры, и она великое благо без нее Россия была бы просто физическим телом. Рождение этой культуры было отмечено еще в XVIII веке:

Петр россам дал тела,
Екатерина души!

Народ на приказ Петра образоваться ответил не только гениальным Ломоносовым и, вероятно, тысячью маленьких Ломоносовых и Пушкиным, но и Сперанским, но и работниками Редакционных Комиссий, но и Витте, но и Столыпинам.

Но эта культура не только создала предпосылки будущего величия, просвещения и свободы. Дворянская

культура в русской истории сначала была дана в классово эгоистическом аспекте. В ней осуществилось явление личности и расцвет ее. Но этот расцвет был особым и жуткого рода: пропорционально интенсивности цветения дворянской личности шло подавление и деградация личности крестьянской. «Вольность и блаженство», о которых любили говорить во второй половине XVIII в. были достоянием русского дворянства и его одного: ни купцы, ни духовенство о «вольности и блаженстве» не говорили. Крестьянству же дворяне поднесли крепостное право последней, екатерининской формации, которое почти невозможно отличить от рабства. Никакого оправдания в государственном интересе, никакого объяснения в исторической закономерности это право не имело. Оно было чистым порождением барского эгоизма: явление неслыханное в истории России. Ключевский отметил трагическую неоправданность этого явления, указав, что крепостное право екатерининской формации оказалось анахронизмом уже в самый момент своего зарождения. Как нельзя более своевременные проекты гр. П. Панина и генерала Сиверса, согласно которым надлежало предоставить крестьянам личную свободу, а их повинности по отношению к помещикам точно определить законом, остались без движения.

Народ не принял новой формации и ответил на нее пугачевщиной. Бунт этот был ужасен и отвратителен. Он был беспощаден, но отнюдь не бессмыслен. Наоборот. Народ раньше стоял за смысл крепостного права, теперь он поднялся против его бессмыслицы. Не из-за какого-то увеличения оброка на полтинник, а потому что народ отверг рабство как только оно было объявлено. И в этом его патент на благородство.

Священное право народа на свободу — это одно; возможность реализации права — другое. Освободиться против воли государства и помещичьего сословия было невозможно. С другой стороны крепостное право противоречило не только интересам народа, но и разумно понятым интересам помещиков. Помещики свои интересы понимали ложно — слишком частая судьба интересов. Крепостное право сразу же оказалось мучительным противоречием, упразднением возможности нормального развития России. Оно превратилось в угрозу самой русской культуре и в пределе существованию русского государства.

Но дворянская культура была явлением слишком сложным и глубоким, чтобы не иметь и своего этического аспекта. Очень скоро появились люди, которые свое право на владение человеческими душами воспринимали, как постыдное. Конечно, это было меньшинство. Но великие дела всегда осуществляются

меньшинством. *Крепостная Россия была построена дворянскими руками; она была разрушена в 1861 г. теми же дворянскими руками и строиться новая Россия начала дворянскими же руками. Другими Россия пока не располагала.*

Россия имела три периода в своем развитии: 1) тягловый, и тогда дворянство несло тяжкую государственную службу; ему Россия обязана своим своим существованием; 2) крепостнический, когда дворянство создавало дворянскую культуру (не нужно забывать, что никакой другой культуры в России и не было) и в то же время зрело для великого национального подвига. 3) правовой — когда крепостное право отменено по воле дворянства же, действовавшего в союзе с самодержавной властью. И мы, стоя на развалинах созданного дворянством нашего отечества не можем не ощущать потребности отметить заслуги этого не по официальной только терминологии благородного сословия и не принести ему данни живейшей признательности.

Политическим и житейским мировоззрением дворянства был своеобразнейший русский либерализм. Он складывался из решительного отрицания крепостного права, из преданности самодержавию очень искренней, и основанной далеко не на одном только расчете, понимании, что только в союзе с самодержавной властью может быть положен конец страшному анахронизму, тяготевшему над Россией и насквозь проникавшего либералов чувства права, которого так не хватало русскому сознанию. И это было особенно драгоценно, так как похвалиться особенным развитием правового чувства русский народ никак не может. И совершенно естественно из всего этого комплекса чувств вытекала вражда либералов к конституции, от которой они спасли Россию в 60-х годах. Один из наиболее любопытных парадоксов русской истории: у нас конституционное знамя подняли крепостники, а за самодержавие крепко стали либералы. Факт, который на Западе до сих пор остается неизвестным даже в ученых кругах.

Нельзя отделаться от впечатления, что русская история «от Гостомысла до наших дней» (т.е. до 1855 г.) была только бесконечно затянувшимся предисловием, или выражаясь бюрократическими словами «приготовлением» (прекрасное слово!) ко второму петербургскому периоду. Этот период — коего мы, эмиграция, суть плоть от плоти и кость от кости — порожден беспримерной революцией сверху. Это самое прекрасное, что произвела русская история. Это наш русский вариант правового государства. И он удивительно гармонировал с нашей духовной природой; в нем она нашла свое выражение. И он не был чем-то окончательно готовым, раз навсегда данным. Наоборот: он был

весь движение, он был полон прекрасных возможностей. С ним начиналась свобода и творчество, с ним народная масса начинала преобразовываться в нацию. И он был закономерным завершением предшествующего периода, он не был навязан извне, он не был проявлением чьего-то каприза, не был случайностью. Он был воплощением потенций, которые долго оставались нереализованными, ожидая своего часа. И тот период выстрадали лучшие русские сердца. Казалось, оставалось только сказать: «Ныне отпущаеши»...

У нового прекрасного строя был один только недостаток, но он нес с собою величайшую опасность. Новый строй был очень хрупок. Его сила, — сила грядущая — была в нации, а нация еще не сложилась. Железные обручи, сдерживавшие разрушительные тенденции — лопнули с концом царствования Николая I. Разрыв между народом и господствующим классом, народом и культурой, народом и государством был налицо; опасность разрыва чувствовали многие. Народ еще верил по инерции в царя — это было отчаянной попыткой народа отстоять свою гаснущую веру в государство. В рыхлой, еще не застывшей среде, в которой только еще намечались контуры будущих национальных форм, легко могли развиваться болезнетворные начала. Безумный русский социализм стал силой, несмотря на свою бессмысленность в России. Его ненужность была так велика, что он сам, наконец, понял, что в России никому не нужна его социалистическая революция. Тогда убедившись в бессмысленности собственного дела, он решил взяться за чужое: за изготовление в России буржуазной революции, которая была также совершенно ненужна. Социалисты не щадили Россию, им важно было дорваться до возможности играть в свои эксперименты. Они не тронулись беззащитностью России, а цинично ее использовали*).

Большевизм порождение слабости России и ряда случайностей, которые он умел использовать, не продолжение тысячелетней русской истории, а разрыв с ней. Он сам — злая случайность, провал, бессмысленная утопия, на нем нет печати исторической закономерности. И потому, когда большевицкое наводнение кончилось, дальше идти будет нельзя и некуда. Останется одно: возвратиться ко второму петербургскому периоду. Ра-

*) Русский социализм был выражением не национальной потребности, а растерянности и потери ориентации, которые всегда сопровождают переломные эпохи. Логика истории перестала ощущаться в момент ее торжества, и панургово стадо шаркнулось в сторону социальных суеверий и предрассудков.

зумеется, возвращаться надлежит к существованию периода, а не к частностям и мелочам. Это будет возвратом России к самой себе, к своему духовному центру. Скитание по периферии означало бы самоубийство, возможность которого отнюдь не исключена. Но если на вопрос: «Что ты выбираешь: жизнь или смерть?» — русский народ ответит: «Жизнь», то это может означать только одно: возврат ко второму петербургскому периоду.

История России поражает своими диспропорциями. Бесконечно дол-

гая, тысячелетняя прелюдия к «правовому народному государству», как назвал новый строй Ключевский. Прелюдия дважды осложнялась несообразными случаями: татарским игом и крепостным правом, не мудрым крепостным правом великих князей и царей московских, а екатерининской формацией этого права. Новый строй просуществовал одно историческое мгновение и рухнул на заре своей жизни. Пришла чуждая народу и русской истории тоталитарная тирания. «Нынче все дико и пусто кругом».

Г. Беляков

Свобода и диалог

Минувший год прошел под лозунгом «диалога», и есть все основания полагать, что под этим же лозунгом пройдет и наступивший 1967 г. Первоначально термин «диалог» возник в богословских кругах для обозначения встречи представителей разных христианских и также нехристианских вероисповеданий и мировоззрений с целью углубления взаимопонимания, духовного сближения и практического сотрудничества. Затем этим термином стали означать дипломатические и деловые контакты между западными и коммунистическими странами с целью устранения взаимных недоразумений и недоверия, укрепления сосуществования и сохранения мира.

При этом термин «диалог» стал настолько популярен, что ему угрожает серьезная опасность так расширяться, что он потеряет всякое содержание.

В традиционном смысле слова со времен Сократа и Платона диалог означает обмен мнений и взглядов с целью выяснения и установления истины или же путей к ней. В таком понимании диалога его целью не может быть простой компромисс. Поэтому дипломатические усилия с целью ослабления международного напряжения не являются диалогом в его точном значении.

Для подписания мирных соглашений нет необходимости в идейном диалоге, а нужен трезвый учет соотношения военных сил, политикоэкономических интересов и осознания границ экспансии, т.е. необходима готовность к практическому компромиссу. По существу мир и прощание послевоенной Европы явились результатом такого учета соотношения сил, когда коммунистические вожди в Москве убедились, что агрессия может стать катастрофой для них самих. Коммунисты в Азии должны будут на собственном опыте прийти к подобному же выводу. До сих пор они искали не компромисса, а требуют безусловной капитуляции. И если сегодня коммунистический

мир на западной оконечности Евразии стал несколько покладистей, чем, скажем, 20 лет тому назад, то это не в последней мере объясняется тем, что на Советский Союз недвусмысленно надвигается опасность нового и, пожалуй, более ужасного, оснащенного атомной техникой, монгольского нашествия.

Не завтра и не в следующем году, конечно.

Одним из достоинств коммунистических политиков является их способность мыслить категориями будущего. Значительная часть их западных коллег вполне удовлетворяется пределами сбалансированного годового бюджета. Когда же появляется среди них государственный деятель кругозором пошире, а то и действительно большого формата, его начинают всячески травить и клеветать на него. Психология массового человека (даже если он обладает университетским образованием) во все века остается неизменной. В свое время А. С. Пушкин, говоря о людях этого типа, меланхолически заметил: «Они любить умеют только мертвых».

Поэтому настоящий диалог, и именно такой диалог, который сегодня на самом деле необходим, должен быть диалогом идей. Но нужен именно диалог, т.е. свободный форум. Нужна встреча людей доброй воли и в то же время внутренней цельности. Поэтому что цель диалога не просто собеседование, но и убеждение. А чтобы быть способным убедить или оказать переубежденным, нужно иметь не только эрудицию и знания, но и собственные убеждения.

В этом смысле настоящий диалог серьезное, нужное и мужественное дело. Поиски и утверждение истины всегда требовали большого мужества и внутренней честности.

В принципе стремление к всестороннему диалогу, как в религиозно-духовном так и в культурно-политическом плане, явление положительное. Оно свидетельствует о желании преодолеть рамки вероиспо-

ведных, идеологических, национальных и политических разделений. Может быть, если быть оптимистом, мы присутствуем при зарождении процесса, в результате которого «человечество», до сих пор пустое абстрактное понятие, превратится в конкретно переживаемую реальность и займет в чувствах людей то место, которое сегодня занимают «народ», «нация», «культура». Но если это и так, то процесс этот долгий и займет, если ему вообще суждено осуществиться, не одну сотню лет.

Правда, Советский Союз до сих пор решительно отказывался от участия в таком диалоге и всеми средствами ограждал умы своих граждан от влияния «тлетворных буржуазных» идей. Тем не менее стоит задать себе вопрос, с каким идейным багажом и с какой внутренней установкой приходит сегодня большая и влиятельная часть интеллектуально западного мира к возможному диалогу с коммунизмом.

Одной из главных теоретических и практических тем диалога, как мне кажется, является вопрос — действительно ли призван к свободе человек? А отсюда — является ли он субъектом неприкосновенных личных прав и свобод, личного достоинства, на которые не смеют посягать ни государство, ни общество, или же, наоборот, личность есть простая функция общественных и экономических отношений, объект планирования и экспериментации всемогущего и, разумеется, «прогрессивного» государства. Сегодня это судьбоносный вопрос не только для «Востока», но и для «Запада». Вместе с тем это совсем не вопрос превосходства капитализма или социализма, как может представляться примитивному мышлению.

Идеи свободы и личного достоинства человека являются высшим достижением христианской европейской цивилизации, равных которым не создала ни одна другая цивилизация мира. Эти, первоначально религиозные, идеи не только способствовали поразительно многостороннему развитию европейской культуры, но и без них невозможна была бы современная политическая демократия. Свободу личности знает только христианство. Арнольд Тойнби указал на тесную связь между структурой парламентаризма и средневековыми церковными институтами. Эллинская демократия не знала свободы личности, свободы совести и неприкосновенности личного достоинства.

Казалось бы именно эти идеи в соединении с бескомпромиссным осуждением всяческого подавления прав и свободы человека, где бы они не происходили и кем бы не совершались, могли бы быть сильнейшим идейным оружием западной интеллектуальной элиты в идеологическом диалоге с марксистско-ленинским коллективизмом коммунизма.

Но между тем мы сплошь и рядом оказываемся свидетелями отказа именно от этих идей и ценностей западной культуры, релятивирования свободы и достоинства человека, подчинения их целям политического доктринерства, кабинетным схемам экономистов или просто идее политической целесообразности.

В тридцатых годах передовая западная пресса на все лады перепевала пропагандную формулу наркома иностранных дел М. Литвинова, от которой Советский Союз отказался в 1939 г. — «Мир — неделим». Утверждать в шестидесятые годы «неделимость свободы» становится плохим тоном. Собственно в наш научный век свобода стала спорным понятием, почти что «метафизическим монстром». В утрашающе прогрессирующих масштабах мы наблюдаем явление, которое покойный Н. И. Осипов называл «соблазном рабства».

Соблазн рабства овладевает умами людей тогда, когда погоня за удовольствиями и комфортом и физическое самосохранение любой ценой, как условие достижения первых, становятся верховными ценностями существования. В массе возникает инфантильная и безответственная тенденция, требующая прав и не признающая обязанностей, не желающая борьбы и жертв, но претендующая на все «сейчас». Эту тенденцию сознания можно свести к знаменитому изречению Людовика XV — «После меня хоть потоп!» Чтобы «потоп» не произошёл, экономисты, биологи и социологи придумывают очередной план «рационального переустройства мира и человеческой психики», которому и приносится в жертву живой и конкретный человек. Разумеется, в таком обществе уже никто не будет иметь прав (за исключением разве правящего меньшинства с высоким «показателем интеллигентности»), но только одни обязанности. Зато каждому будет обеспечено научно рассчитанное «счастье», а население земного шара можно даже будет научно и безболезненно (главное — без страданий) свести к комфортабельному одному миллиарду. Такое общество будет не обязательно коммунистическим, но обязательно «прогрессивным». Есть даже рационально вероятные надежды, что и коммунистический мир эволюционирует в этом направлении и на месте мифологии Маркса восторгается самодержавный и благодетельный разум.

Разумеется, что в подобной интеллектуальной атмосфере люди и народы становятся просто объектами и «нереалистично», и «ненаучно», и иногда даже «реакционно». Конечно, нарисованная картина утрирована и заострена, но она гораздо менее гротескна, чем это кажется. Обе тенденции реальны в современном западном обществе, и Замятин, Альдус Хаксли и Орвелл знали, о чем они

писали, когда создавали свои романы-утопии.

Может быть именно поэтому современная интеллектуальная атмосфера политического диалогизма столь пропитана ханжеским лицемерием, которое, ссылаясь на здравый смысл и прикрываясь беспокойством за судьбы человечества, не хочет прислушаться к голосу рассудка, элементарной интеллектуальной честности и в сущности безразлично к судьбам конкретного человека и конкретных народов. В большинстве случаев мы имеем дело с морализмом. Но морализмом неискренним или непоследовательным, т.к. в его основе лежит убеждение в относительности морали, а из последнего следует допустимость и оправданность применения «двойных стандартов».

Громко и всенародно возмущаясь американскими бомбардировками, причиняющими жертвы среди мирного населения Сев. Вьетнама, упорно отказываются также всенародно осудить зверства коммунистов против гражданского населения Южного Вьетнама.

Требуя применения санкций против практикующей расовую дискриминацию Южной Африки, обходят единодушным молчанием истребление десятков тысяч людей в получивших независимость африканских странах.

Многие из сторонников политического диалога будут шокированы приёмом в Организацию Объединённых Наций Испании ген. Франко, но значительное большинство из них подпишет любую петицию о принятии в ту же организацию Китая Мао Цзе-дуна.

Подобная аберрация морального суждения может быть объяснена тем, что в сознании значительной части современного секулярного образованного общества моральные категории добра и зла потеряли свою объективность и оказались заменёнными очень эластичными понятиями «прогрессивности» и «реакционности». Это психология, которая всегда облегчала диктаторам приход к власти. Современные диктатуры выросли на почве поврежденного морального сознания.

Но еще более поразительно то, что игра двойными стандартами овладела умами многих представителей и той части человечества, которое сознательно продолжает считать себя христианским. Здесь это явление называется гораздо более печальным и трагическим, т.к. христианское учение всегда требует бережного и участливого отношения к каждому страдающему и преследуемому человеку.

Представители различных вероисповеданий, резко реагирующие против явлений социальной несправедливости и расовой дискриминации в западных странах или занимающие активную бескомпромиссную позицию против внешней политики за-

падных правительств, становятся «великими молчаливками», когда речь заходит о возвышении голоса протеста против преследования христиан их церкви в странах коммунистического блока. Закон Христовой любви и просто человеческого сочувствия, повидимому, не распространяется на христиан восточной Европы, России и Азии.

За малыми исключениями западные церковные организации обходят ледяным молчанием неприкрытое подавление веры, превращение религиозных святынь в антирелигиозные музеи, преследование христиан и других верующих в Советском Союзе и странах восточного блока. Больше того, отдельные разрозненные выступления среди западного христианского мира, сообщающие о преследовании религии и церкви в СССР, нередко трактуются как «реакционные», создающие препятствия для развития диалога.

Но диалог с кем? С московским патриархом? Кажется, давно уже известно, что московский патриарх ни в какие диалоги не вступает и вступать не смеет, заявляя время от времени о своем существовании инспирированными коммунистической властью пропагандными и псевдобогословскими монологами.

Диалог с коммунистической верхушкой в надежде, что она сменит гнев на милость и удостоит искателей диалога благосклонным ответом? Иногда кажется, что в наше время Иисуса Христа продали бы за гораздо меньшую сумму, чем 30 серебряников.

Создается впечатление, что современная психология диалогизма оказалась мажорным цветком, который не в состоянии принести плода. Укрепление мира и устранение недоверия во всем мире нужное и важное дело. Но эта задача будет по-прежнему разрешаться, как она разрешалась до сих пор, независимо от диалога, на основании реального учета национальных интересов держав и блоков и международной расстановки сил, средствами дипломатии и взаимно выгодного компромисса.

Но именно к конструктивному и продуктивному идейному диалогу с коммунистическим Востоком — Запад, как ни странно, оказался внутренне не готов. И как раз в этой области особенно явно вырисовываются тенденции к капитуляции перед тоталитарной идеологией или системой. Требование мира любой ценой за счет свободы поработенных народов (и в конечном счете и своей собственной) и есть самое явное и неприкрытое капитулянтство.

Что касается народов, стремящихся к освобождению из духовного и политического плена коммунизма, то они смогут несколько перефразировать известные слова Ивана Карамова: «Слишком дорого оценили мировую гармонию. Не по карману нам такой диалог».

Мариенбадский диалог

Недавно закончился «диалог» между коммунистами и христианами, состоявшийся на сей раз в Мариенбаде, в Чехословакии. На нем произошел скандал: бывший словацкий министр иностранных дел, сейчас эмигрант, прислал телеграмму с просьбой к коммунистам перейти от слов сосуществования между религией и коммунизмом к делу и выпустить на свободу священников и трех словацких католических епископов: Яна Корека, Петра Дубского и Войтека Бозанского. Глава чешской делегации Кадлекова без смущения заявила, что в Чехословакии не только сейчас нет арестованных священников, но и никогда и не было (?!). В немец-

кой католической газете «Дейтче тагеспост», выходящей в Вюрцбурге (ФРГ), доктор Францель, большой знаток коммунизма, приводит в статье «Теория и практика» число замученных священников, монахов и монахинь, и отрывки из письма монахини и по сей день вместе со многими находящейся в концлагере в Чехословакии. На этом съезде в Мариенбаде идеолог французской компартии и член ее политбюро Роже Гароди и другие вожди западных коммунистических партий ратовали о совместимости христианства и коммунизма. Комментарии нам кажутся излишними.

В. П.

Олег Ильинский

Проблема национального своеобразия в культуре

Сложная взаимосвязь существующая между национальной стихией и мировой культурой, между своим и чужим, между усвоением культурного наследия своего народа и органическим восприятием ценностей, созданных другими народами требует от нас, живущих в иностранном окружении, особо пристального внимания. Проблемы национальной самобытности и взаимообогащающего общения, культурной замкнутости и иностранных влияний сейчас широко дискутируются, как в Советском Союзе, так и на Западе. При этом особую окраску придает дискуссиям тот факт, что эти проблемы в СССР и на Западе ставятся в совершенно различной плоскости. В то время, как официальная линия советской политики нарочито выдвигает национальный аспект культуры на первый план, на Западе эта проблема обычно трактуется в чисто историческом плане, как нечто целиком принадлежащее прошлому. Кроме того, в западном сознании национальный аспект культуры иногда ассоциируется с локальным провинциализмом. Сейчас на Западе многие считают, что потускнение национального своеобразия в культурах различных народов есть закономерное следствие истории развития западной культуры. В связи с ярко выраженным национальным своеобразием русской культуры именно в связи с Россией часто поднимается в настоящее время проблема роли и сущности национальных корней для культуры. При этом совершенно естественно, хотя и ошибочно исторически обусловленная схема стирания национальных черт в границах западного культурного комплекса иногда механически переносится на Россию. Ситуация осложняется еще тем, что

официальная советская трактовка проблемы национального своеобразия естественно однобока, т.к. построена на марксистском материализме.

Русский идеализм на протяжении своей истории постоянно возвращался к проблеме сущности национальной культуры и выработал метод подхода к ней. Русские люди, принужденные жить за рубежом, особенно остро чувствуют эту проблему, т.к. они постоянно ощущают себя на пересечении своего и чужого. Вопрос о смысле и ценности национального момента в культуре для них не абстрактная проблема, а практическая, почти бытовая задача, определяющая поведение на каждый день.

Национальное своеобразие обычно с наибольшей полнотой выражается в формах гуманитарной культуры и искусства. Гуманитарная культура связана с национальной стихией потому, что осуществляется в рамках языковой традиции, укоренена в духовной сфере народа и отражает представление народа об абсолютной ценности. Вне национальной стихии гуманитарная культура немислима. Искусство зарождается из тех же корней. Точные науки гораздо меньше связаны с национальной стихией, но это совсем не значит, что процесс научного творчества полностью вненационален. Русская интеллигенция, русская наука, например, имеют свое совершенно определенное, достаточно характерное лицо.

Национальная культура есть коллективное творчество данного народа и естественно несет в себе характерные черты мирозерцания этого народа. Но поскольку ни один народ не может развиваться в условиях изолированной замкнутости, ес-

тественно происходит общение между народами, как бы обмен опытом. Влияние одной культуры на другую есть закономерная форма такого обмена. Все культуры всегда взаимно влияют друг на друга, поэтому история мировой культуры может быть представлена, как история влияний. В связи с этим в составе любой культуры можно выделить как бы два пласта: основное ядро — характерный оригинальный вклад народа в мировую культуру. Он определяется представлением народа о ценности, связан с философским мышлением народа, его историческим опытом и т.д.; отражение в национальном сознании культурного опыта других народов, переосмысление этого опыта в контексте собственной национальной культуры, своеобразный творческий отбор заимствованных ценностей.

В результате органического соединения этих двух моментов может образоваться новое оригинальное явление в культуре народа. Скажем, Пушкин оказал влияние на Достоевского, а Достоевский мощно воздействует на современную литературу и философскую мысль во всем мире. Но в свою очередь Пушкин осуществил могучий синтез наследия мировой культуры своего времени.

Взаимообогащение в области культуры может быть эффективным только на основе разнообразия, — индивидуального своеобразия отдельных культурных комплексов. Обезличенные культурные комплексы естественно не могут оказывать обогащающего воздействия друг на друга.

Вопрос о необходимом и плодотворном своеобразии отдельных национальных культур в практике дискуссий очень часто подменяется вопросом о провинциализме. Ставить знак равенства между национальным своеобразием и провинциализмом глубоко ошибочно, т.к. эти явления в своем существе противоположны. Если национальное своеобразие культуры есть творческий вклад народа в общее творчество всех народов и рождается на основе органической связи между своим и чужим с непрерывным учетом общекультурной ситуации в данную эпоху, то провинциализм есть следствие культурной замкнутости, отрезанности от окружающего мира. При чем, учет общекультурной ситуации вовсе не обязательно обозначает согласие с тем или иным явлением в культуре эпохи. Учет предполагает возможность отреагировать на данное явление, в чем бы эта реакция ни состояла, хотя бы в отрицании. Коммунистическая партия Советского Союза в настоящее время стремится использовать национальный аспект культуры в своих целях. По внешности, целью коммунистической политики является сохранение национального своеобразия культуры. В

действительности, полная изоляция от внешнего мира еще недавно бывшая основой политики партии (тоже и теперь — мелкие поблажки не в счет) может вести только к провинциализму, т.к. исключается свободный (а не сверху навязанный) обмен опытом. Такая политика ведет к умерщвлению культуры.

Запад имеет известные основания считать потускнение национальных особенностей в рамках именно западной культуры вполне закономерным. Дело в том, что общекультурные корни западного культурного комплекса по существу одни и те же для всех стран Запада (так как в определенную эпоху вся культура была религиозной, именно тогда, когда складывались национальные особенности народов). При основной близости культур в разных странах Запада естественно, хотя и не совсем правильно, концентрировать внимание на общности, а национальные особенности игнорировать, как следствие локального провинциализма.

Русская культура на фоне культур других европейских стран чрезвычайно оригинальна. Это объясняется особым историческим опытом России, особым характером религиозной жизни русского народа, ролью России как щита, прикрывшего Европу от татар и т. д. Именно оригинальностью русской культуры объясняется колоссальное влияние, которое русская литература имела и имеет на литературу Запада. В силу оригинальности русской культуры перенесение на Россию западной схемы потускнения национального элемента в культуре является методически ошибочным. Эта схема и для Запада не совсем верна, и по отношению к России она может привести к ряду грубейших ошибок. Если Запад до сих пор недостаточно понимает Россию, то именно благодаря этой ошибке. Впрочем, до известной степени, такой подход Запада к культуре является естественной реакцией Запада на провинциализм политики КПСС в вопросах культуры.

Высказанные здесь положения не ставят своей задачей анализировать прошлое культуры. Некоторые ситуации, связанные с прошлым использованы только в качестве отправных пунктов для размышления о сущности культуры, как продукта целенаправленной деятельности человеческого сознания. Высказанные положения продиктованы необходимостью представить себе перспективы гармонического развития человеческой личности в будущем. Ведь полноценная культура не есть конгломерат случайных творческих удач, приобретенных знаний и вкусов. Полноценная культура есть проекция высших проявлений человеческой души на плоскость объективной действительности.

Национальное своеобразие русской культуры таит в себе колоссальные, в большинстве своем неведомые возможности. Это своеобразие никаким образом не противоречит творческому обогащению русской культуры за счет опыта культуры других народов. Это своеобразие естественно противится провинциализму и властно требует свободы мышления и общения. Это своеобразие в то же время является гарантией того, что

творческий отбор ценностей приведет к органическому синтезу между своим и чужим, или вернее, что нужное чужое преобразившись станет вполне своим. Для людей, живущих в пределах СССР, это своеобразие станет требованием и залогом свободы, а для русских людей, живущих за рубежом — стимулом естественной органической связи с русской культурой.

Алексей Угрюмов

Закон и адвокатура в Советском Союзе

На третий день после октябрьского переворота в Петрограде новая власть издала декрет о том, что все дореволюционные законы и законы Временного правительства отменены, что впредь жизнь, деятельность правительственных органов, революционных «троек» и судебных учреждений должны покоиться на революционном сознании граждан и, последние в жизни своей тоже должны руководствоваться революционным правосознанием.

Так решило то новое правительство, во главе которого стоял юрист по профессии, В. И. Ульянов (Ленин) и в числе членов которого, первых советских руководителей, было много лиц с юридическим образованием.

Но жизнь показала новым властителям России, что без законов обойтись нельзя, что правосознание граждан очень различно и на нем нельзя строить ни правопорядок, ни самый примитивный общий быт, что без закона руководить государством нельзя.

И новая власть, декретировавшая основой основ правового устройства революционное правосознание, с первых же своих шагов убедилась в необходимости регулирования жизни и поведения людей, своего существования и созданных ею органов, путем правительственных постановлений, путем создания новых законов. И, надо сказать, с приходом к жизни новой власти, всякие декреты и постановления полились как из рога изобилия и партия и правительство сами позабыли о декларированной ими правовой основе — революционном правосознании.

Так родились новые законы о создании народных судов, затем — губернских судов, особых сессий народных судов с подсудностью им более сложных судебных дел, о создании при губернских судах кассационных коллегий для возможности обжалования приговоров и решений народных судов. Так же родился и орган политического преследования, созданный в 1918 году тем же Лениным и переименованный ряд названий,

но до сего дня не изменивший своего существа.

В 1920 году необходимо было заняться кодификацией, — настолько «распухло» «советское законодательство». И стали появляться сборники с советскими декретами и постановлениями по отдельным вопросам — жилищному праву, земельным юридическим новеллам, национализации и муниципализации в городах, судебной и кассационной практике губернских (потом — окружных и краевых) судов, по «надзорной» практике Наркомюста (народного комиссариата — теперь министерства — юстиции) и т.д.

В связи с какой-то регламентацией судебных установлений, без которых — в первом порыве благодушия от собственной победы — советская власть хотела вовсе обойтись, был создан институт правозаступников (адвокатов) при губернских судах, в которые могли вступать все, желавшие себя посвятить этому делу, так как в те времена в судах мог выступать и в качестве защитника и в качестве обвинителя любой гражданин. К чести бывшего института правозаступников, последний комплектовался, главным образом, из лиц с юридическим образованием, которые, пользуясь своим образовательным багажом, конечно, доминировали и в знании, и в эрудиции, и в простой логике над назначенными судьями — членами партии из рабочих и горожан с недостаточным культурным багажом. Тогда советская власть стала открывать юридические курсы для подготовки судей и вновь встал вопрос о восстановлении юридического образования, так как в 1919 году во всех университетах России юридические факультеты были упразднены: «революционному правосознанию» обучать было нечего, а законы, как упомянуто было выше, были отменены. Суды по-прежнему руководствовались революционным правосознанием и правозаступники (адвокаты) тоже должны были при защите интересов клиентов по гражданским делам или подзащитных по уголовным делам исходить из своего

правосознания. Можно себе представить, какой разницей в самой судебной практике существовал в то время и каким «бедламом» оказались суды всех инстанций, основывавшие свои решения и приговоры на революционном правосознании.

Так долго продолжаться, конечно, не могло и наконец новое советское правительство во главе с юристом (Лениным) поняло, что даже любое примитивно-правовое государство в наши дни не может существовать без обязательных для всех норм, то есть без законов.

Такое понимание совпало с пониманием, что и без личной инициативы в экономике никак нельзя обойтись, что граждан государства, в первую очередь, надо хоть как-то накормить, одеть, обуять, создать какие-то хотя бы даже примитивные экономические нормы. И на этой основе в жизнь пришел НЭП (новая экономическая политика) и появились наспех созданные новые кодексы законов советского государства — кодекс законов о браке, семье и опеке, уголовный кодекс, уголовно-процессуальный кодекс, гражданский кодекс, гражданский процессуальный кодекс, трудовой кодекс и земельный кодекс. Впоследствии все эти кодексы менялись, дополнялись, переделывались, но, все же, были созданы единые правовые нормы, обязательные, как тогда казалось, для всех судов и для всех граждан, но впоследствии оказалось, что, при «своеобразном» партийном толковании законов, руководившими судами и правовой жизнью членами партии, законы советского правительства превращались в худшую иллюстрацию до реформенной (имея в виду величайшую реформу Александра II) поговорки — «закон, что дышло, — куда повернул, туда и вышло».

С 1922 года (сперва в Москве и в Петрограде, а затем и в провинции) стали создаваться юридические институты, как самостоятельные учебные заведения, но не как факультеты университетов и не с программами бывшими на этих факультетах. Эти юридические институты существуют и по сей день и студенты этих институтов изучают так называемое «советское право», советские политические науки, в очень скромных размерах международное право, советскую «конституцию» и т.д. Несмотря на то, что НЭП был погублен Сталиным в 1927-28 годах, эти институты сохранились и дают молодых работников с примитивным правовым (главным образом, советским) багажом для советских магистратуры (судов всех видов), прокуратуры и адвокатуры.

При отношении самого правительства и судов к адвокатуре, как «к неизбежному злу», положение адвоката в СССР было незавидным, а иногда даже граничащим с подвигом.

В 1921 году советским правительством были изданы два декрета — о советской прокуратуре и об адвокатуре: «О создании коллегий защитников при губернских судах»; впоследствии губернские суды были переименованы в областные и краевые и поэтому и коллегии защитников стали состоять при областных и краевых судах, а еще позднее коллегии защитников были переименованы в «коллегии адвокатов».

Характерно, что закон о прокуратуре называл прокуратуру советской, а коллегии защитников (адвокатура) советскими названы не были, — адвокатура всегда считалась каким-то инородным телом на всей советской системе и ее рассматривали, да и до сих пор рассматривают, как нечто подлежащее отмиранию, для советской системы ненужное и, главным образом, как «декорацию» для Запада: дескать, и у нас в судах существует состязательный процесс, и у нас есть адвокатура, которая защищает интересы и своих и иностранных граждан на основе действующего у нас законодательства.

Мы, старшее поколение, отлично помним, как Ленин уверял граждан бывшей России в том, что НЭП вводится «всерьез и надолго», но на практике оказалось далеко не так: при преемнике Ленина — Сталине — уже в 1928-1930 годах НЭП умер скорострительной смертью в начале первой пятилетки (1927 г.), с началом коллективизации в деревне и удушением частной инициативы во всех жизненных проявлениях на пространствах нашей необъятной страны. Но мы хорошо помним, как центральные газеты СССР обещали долготерпеливым гражданам СССР в своих «обоснованных» выкладках статьях, что каждый двадцать пятый житель страны в конце первой пятилетки будет собственником автомобиля. Но и каждый сотый житель в наши дни, несмотря на много прошедших пятилеток, не имеет там собственного автомобиля. Обещаний много (о НЭПе «всерьез и надолго», об автомобилях и т.д.), но обещания эти вовсе не выполняются в отношении долготерпеливых наших земляков.

С приходом к власти Сталина какая-то видимость «законности» заменилась видимой и невидимой (в подвалах тайной полиции) беззаконностью, органам прокуратуры было придано совсем иное значение и они превратились в одно из звеньев цепи советских розыскных политических органов (ЧК, ГПУ, НКВД, МВД, КГБ), а коллегии защитников (адвокатов) делались все более и более ширмами беззакония, творимого и в судах всех инстанций и вне судов.

С изданием в 1921 году декрета об адвокатуре, секретариаты председателей губернских судов открыли прием просьб от желающих вступить

в члены коллегий адвокатов. В сентябре-октябре того же года в губернских официальных изданиях были опубликованы первые списки членов коллегий защитников (в просторечии — ЧКЗ). Так как декрет о создании коллегий защитников требовал от кандидатов или законченного высшего юридического образования (от членов советской прокуратуры этого не требовалось) или законченного среднего образования с не меньшим, чем пятилетним, непорочным стажем судебно-следственной работы в органах советской юстиции не ниже следователя, то, фактически, в первые (основные) списки защитников вошли на 95% лишь лица с законченным высшим образованием, среди которых были лишь единицы членов партии. Как известно, ни один судебно-следственный работник советской формации к сентябрю-октябрю 1921 года не мог иметь пятилетнего стажа работы, даже считая от первого дня октябрьского переворота 1917 года.

Поэтому-то коллегии защитников 1921-1927 годов (времени НЭПа) включили в себя практически бывших дореволюционных присяжных поверенных и их помощников, или лиц, окончивших юридические факультеты «под занавес» этих упраздненных в университетах факультетов в 1917-1919 годах (по старым программам этих факультетов); 5% членов коллегии Москвы, Ленинграда, Киева, Минска состояли из лиц без высшего образования но «доказавших» свой пятилетний (!) к моменту составления списков практический стаж советской юридической работы. — Подавляющее большинство этой последней категории защитников оказалось членами партии и они, как правило, выдвигались на руководящие посты в коллегиях в качестве их председателей, секретарей, членов президиума и дисциплинарных комиссий. Но из-за малого их количества (5 на 95) им приходилось не легко, так как по большинству вопросов они встречали сопротивление большой беспартийной массы адвокатов.

По декрету о создании адвокатуры, коллегии защитников являлись составной частью губернских (областных, краевых) судов, под неусыпным надзором их председателей (конечно, видных и проверенных членов партии), но имели выборное самоуправление — президиумы, которые ведали всеми делами коллегий и сносились с председателем губернского (областного) суда — по структуре прежних советов присяжных поверенных при судебных палатах; коллегии защитников избирали из своей среды даже дисциплинарную комиссию, которая имела право налагать дисциплинарные взыскания на членов своей коллегии — вплоть до исключения из коллегии, но последнее взыскание требовало и ут-

верждения президиума коллегии и председателя губернского суда.

В коллегиях Москвы и Петрограда (Ленинграда) в те времена работали такие известные адвокаты, как Коммодов, Стрельбицкий, Польнов (муж писательницы Щепкиной-Куперник), Гимпельсон, Зарудный, Равич и др. Коллегии защитников в массе своих беспартийных членов считали себя по праву преемственными продолжателями прежних советов присяжных поверенных, созданных в результате судебной реформы императора Александра II, высоко держали звание адвоката (ЧКЗ), придерживались старых традиций присяжной адвокатуры дореволюционного времени, были, пожалуй, единственными либеральными образованиями в системе советского суда и во всей системе советского государственного устройства, и строго взыскивали со своих членов за любой неэтичный или порочащий звание члена коллегии проступок, как бы ни был мал этот проступок.

В Советском Союзе, с момента образования коллегий защитников (адвокатов), адвокаты никогда не состояли и теперь не состоят «защитниками при полиции или милиции») и в системе советского суда и государственной системе всегда были наиболее квалифицированными работниками юстиции и государства.

Начиная с момента коллективизации деревни и «чистки» советского аппарата, проводившегося партией (1927-28 годы), коллегии защитников стали усиленно пополняться партийными кадрами из окончивших новые юридические институты членов партии и членов партии, переводившихся в коллегии «в порядке партийной дисциплины» из работников судебно-следственного советского аппарата и даже из советской прокуратуры.

Народный комиссар юстиции (двоемное звание тепершнего министра юстиции РСФСР; — в каждой союзной республике был свой Наркомюст, а теперь — министр юстиции), прословутый бывший «верховный главнокомандующий», назначенный большевиками на смену генерала Духонина, прапорщик Николай Васильевич Крыленко, сам впоследствии погибший в сталинских застенках НКВД, бывший сам когда-то в дореволюционное время помощником присяжного поверенного, учтя «либеральный душок» в коллегиях защитников, их относительные самостоятельность и независимость, принесенные ими в их современную деятельность прежние судебные традиции, их относительную свободу в пределах советского закона, «разврат» частного соглашения о гонораре с клиентом и т.д., решил предпринять радикальные меры к изменению определенного законом статута коллегий защитников. В отмену закона (!) о коллегиях защитников, он

разослал всем председателям областных и краевых судов циркуляр (это было в августе-сентябре 1928 года), в котором предложил к немедленно исполнению следующие мероприятия в отношении коллегий защитников (так ведомственный циркуляр отменял государственный закон, что в «сталинские времена» было явлением обычным!):

1) произвести чистку в коллегиях защитников и выявить не советски настроенных ЧКЗ, вычистить их по первой и второй категориям (первая категория — без права работы в советском государственном аппарате, вторая категория — без права работы в этой же профессии на срок до пяти лет); в отношении получивших при «чистке» третью категорию — предложить администрации наложить на виновного дисциплинарное взыскание и поставить работу этих лиц под особый контроль,

2) срочно пополнить коллегии защитников за счет молодежи, окончившей советские высшие юридические учебные заведения,

3) добиться добровольного отказа адвокатов от частной практики с переходом коллегий адвокатов от частных соглашений с клиентурой на оказание юридических услуг через организуемые при каждом судебном учреждении коллективы защитников с оказанием юридической помощи и с поручением ведения дел в судах в порядке строгой очередности адвокатов, без права выбора их клиентами; частную практику на дому адвокатам *запретить*,

4) неукоснительно наблюдать за соблюдением адвокатами выработанной для них Народным Комиссариатом Юстиции *таксы оплаты труда*; весь заработок от работы коллективов адвокатов должен поступать в кассу последних, а каждому адвокату, работающему в коллективе, президиумом коллегии защитников устанавливается твердое месячное вознаграждение в зависимости от квалификации, стажа, семейного положения и вне зависимости от количества данных консультаций или проведенных в судах дел.

Первый и второй пункты циркуляра были немедленно и со всею возможною жестокостью выполнены: началось «избиение младенцев» и, — одновременно — пополнение коллегий защитников новыми кадрами комсомольского внешнего вида по разверсткам обкомов и горкомов партии.

С конца 1928 года *свободная адвокатура с частыми адвокатскими кабинетами в СССР перестала существовать*, а ее место заняли коллективы адвокатов при судах, или, как их прозвали сами же адвокаты, — «адвокатские колхозы».

Так в условиях советской системы ведомственный жестокий циркуляр нарушил и искажил ранее изданный гуманный закон. Гуманный закон

известен всем и на него постоянно ссылаются, рекламируя советскую систему; ведомственный же циркуляр никому неизвестен и о нем предпочтут молчать.

Всех адвокатов, вычищенных из коллегий защитников по первой и второй категориям, тотчас же арестовали органы ГПУ и после трех- или шести-месячной «отсидки» в «доме предварительного заключения» (не тюрьма, а «дом»: Шпалерка в Ленинграде, Лубянка в Москве и т.д.) препровождали в места очень отдаленные, откуда многие, за преждевременную смертью, надорвавшись на тяжелых работах или не перенесших тяжелых условий холода и голода, так и не получили возврата. Основным обвинением всем арестованным адвокатам предъявлялось: сопротивление коллективизации адвокатского труда и агитация против пунктов 3 и 4 циркуляра Крыленко о реорганизации адвокатуры в СССР. И бывших адвокатов направляли в этапном порядке в «исправительно-трудовые» (исправительно-трудовые, а не концентрационные!) лагеря на Медвежьей Гору, на Колыму-Воркуту, в глушь Казахстана и т.д.

ГПУ в данном случае не ошибалось: в среде адвокатов сопротивление коллективизации адвокатского труда было сильное, сопротивлялись все беспартийные (а таких было, все же, большинство) адвокаты: кто — более активно, кто — менее активно; результатом такого сопротивления было то, что областные суды в крупнейших центрах СССР (Москва, Ленинград, Киев и др. города) никак не могли добиться добровольного постановления самих коллегий защитников об отказе от частной практики и о переходе на «коллективный» адвокатский труд.

Сопротивление адвокатов было, в конце концов, всюду сломлено при помощи тех же мер, какие впоследствии применены при коллективизации в деревне (ссылка с конфискацией имущества), — отчисление от коллегий защитников по первой и второй категориям в порядке чистки, то есть путем применения все того же террора.

После долгой и упорной борьбы областные суды добились «добровольных» постановлений коллегий адвокатов после того, как «в ударном порядке», «в порядке кампании» произошло «пополнение» их рядов присланными кадрами из обкомов партии, — кадрами, спешно введенными в состав коллегий; среди «новичков» были отдельные лица, тесно связанные с ГПУ.

ЦК ВКП(б) — так тогда именовалась КПСС — и Н.В. Крыленко оценивали обстановку в коллегиях защитников правильно и трезво: в годы 1921-1928 коллегия защитников при областных судах были, пожалуй, единственными оазисами на территории СССР, базировавшимися на вну-

тренней демократии и пропитанными высокими идеалами александровской судебной реформы — «правда и милость да царствуют в судах», — идеалами, ничего общего с большевицкой теорией и практикой в правосудии не имевшими и не имеющими.

В октябре-ноябре 1928 года коллегии защитников (адвокатов) в СССР перешли на «коллективную форму» работы.

Это была своего рода «коллективизация», проведенная в городах и коснувшаяся наиболее свободолюбивой профессии — адвокатуры.

После проведенной коллективизации, многие адвокаты (в 1929-1932 гг.) добровольно покинули ряды коллегий и перешли на работу в учреждения и организации («обобществленный сектор») в качестве юрисконсультов, тем более, что в судах становилось работать все труднее и труднее; развивавшийся в годы НЭПа «частный сектор» к этому времени был полностью задушен. Для цивилиста (адвоката, специализировавшегося на области гражданских правовых отношений) остались только самые примитивные правовые споры — квартирные, алиментные и пр.

Несмотря на то, что к 1930 году коллегия адвокатов пополнилась новыми людьми без достаточного кругозора в области права и без достаточного практического стажа, но с достаточно внедренным в них кругозором марксистско-ленинско-сталинским, некоторые бывшие присяжные поверенные, то есть люди хороших знаний и достаточного опыта, удержались в коллегиях адвокатов и продолжали в них работать дальше. В половине тридцатых годов наркомостом было сделано маленькое послабление и для клиентуры и для адвокатуры: было разрешено персональное приглашение (через коллективы того или иного адвоката для ведения судебного дела; при таком персональном приглашении клиент оплачивал труд адвоката по повышенной таксе, а адвокат получал дополнительный процент к установленному ему окладу.

Я упомянул, что частный гражданский сектор в СССР, в основном, умер вместе со смертью НЭПа, и с 1929-30 гг. суды в СССР занимались, главным образом, уголовными делами; адвокатам-цивилистам необходимо было срочно переключиться на криминалистику (уголовные дела).

Но уголовная защита делалась тоже все труднее и труднее, ибо, помимо закона, приговоры судов все более стали базироваться на партийных директивах и влияниях (иногда даже все расхоронившихся с советским же законом или толковавших его удивительно своеобразно). И так продолжается и до сих пор; вспомним, хотя бы, известные всем «дела»:

поэта Иосифа Бродского, писателей Синявского и Даниэля. НКЮ, республиканские верховные суды и верховный суд СССР, ЦК партии, обкомы партии рассылали судам секретные циркуляры, которые оказывались выше закона и требовали от партийных судей (а в СССР все судьи, все следователи, все прокуроры — партийные, и для них указание партии это все) по отдельным категориям дел (в порядке «кампаний»), а иногда по одному какому-нибудь крупному, принципиальному делу определенного со стороны партийных судей отношения к подсудимым, наибольшим репрессиям, втягивали судебную систему в политику, создавали «месячники судебной борьбы», скажем, с хулиганством, халатным отношением к служебным обязанностям, с самогоноварением, с присвоением государственной собственности и т.д., требовали организации «показательных процессов» в помещениях театров, клубов и на производствах. Все это не способствовало беспристрастности судебной работы, не способствовало нормальному индивидуальному подходу к каждому конкретному делу, не способствовало правосудному разрешению дел и сделало, в конце концов, суд инструментом политики, инструментом партии.

Партийные судьи в порядке «партийной дисциплины» слепо подчиняются — и до наших дней — директивам партии, и уже в 1930-1940 годах уже в 80-90% уголовных дел приговоры были предreshены заранее (по «партийной линии»), и опыт и талант адвоката, даже представляемые адвокатом доказательства, разбивались в судах первой инстанции о холодный скептицизм партийных судей, так как приговор был уже предreshен на основании категорических директив «руководящих органов». Таков был метод судебной «расправы» и во времена Сталина, и во времена Маленкова, и во времена Хрущева, и продолжается во времена Брежнева-Косыгина. Может быть, меняется тактика, чисто внешне, но суть системы, так сказать, стратегия власти, остается все той же. И это происходит во всех отраслях народной жизни, и эту некоторую внешнюю перемену тактики Запад наивно принимает за изменение, за эволюцию самой системы.

При таком положении, когда приговор предопределен, что мог делать в «инсценировке судебного процесса» адвокат?

Такое положение в судах сохранилось в СССР и по настоящий день. Мы были свидетелями недавно прошедших в советских судах дел англичанина Брука, двух американцев, якобы «укрававших» статуэтку медведя в отеле в Ленинграде, и целого ряда иных дел, где обвиняемыми были иностранцы. И бывшим работни-

кам советской юстиции, находящимся на свободе на Западе, совершенно ясно, что все подобные суды были лишь инсценировкой судебных разбирательств, а «дела» иностранцев были «обсосаны» в иных инстанциях — партийных, и судьям были даны определенные директивы. Адвокат в этих делах, назначенный судом из консульстаций, специально ведущих дела иностранцев, был только ширмой якобы состязательного процесса, был только декорацией в зале судебного заседания и никак повлиять на ход судебного следствия и приговора не мог.

Обвиненному в краже статуэтки в отеле американцу кассационная инстанция советского суда (апелляционных инстанций в советском суде нет) заменила тюрьму штрафом и якобы об этом хлопотал защитник обвиненного и добился этого результата. Адвокат (конечно, партийный в данном случае) был вовлечен в общую инсценировку и ему тоже были заранее даны указания и он заранее знал, что по его кассационной жалобе последует вышеуказанная замена наказания, так как в данном случае для советского правительства выгоднее получить в виде штрафа иностранную валюту, в которой оно нуждается, чем держать в тюрьме осужденного иностранца.

Иногда (в редких случаях) и в отношении русских обвиняемых по не принципиальным и не «компанейским» делам адвокат может добиться во второй (кассационной) инстанции какого-то выигрыша для своего клиента или подзащитного, но это возможно только по рутинным делам.

Описанное выше положение адвоката в советском уголовном процессе тоже приводило к тому, что в те же 1929 и 1930 годы многие адвокаты, в том числе и пишущий эти строки, покинули коллегии защитников и перешли на работу в качестве юрисконсультов учреждений (здесь зачастую, в силу необходимости, происходил обратный процесс: криминалисты превращались срочно в цивилистов).

Если в 1921-1932 гг. можно было совмещать работу адвоката, состоя членом в коллегии защитников, с юрисконсультской работой, и это не возбранялось, то в 1933 году эта возможность была упразднена очередным циркуляром: появился циркуляр того же бывшего помощника присяжного поверенного, ныне наркома юстиции, тоже бывшего большевицкого «главковерха» Крыленко о запрещении такого совмещения, и многие адвокаты предпочли уйти из коллегий и остаться простыми служащими учреждений — юрисконсультами.

После судебной реформы Александра II русский дореволюционный суд был одним из совершеннейших судебных инструментов во всем ми-

ре, и сейчас, на пороге 50-летия существования советской власти, следует вспомнить, как искалечен в СССР суд и как вместо действовавшего беспристрастного и совершен-

ного суда на смену ему пришел страстный, несовершенно и немилостивый суд — партийный инструмент в руках партийной диктатуры.

П. Геррманн

Мысли о будущем

Будущее России всегда являлось горячо обсуждаемой темой в зарубежье. Тем более ценно, что с недавнего времени «Институт по изучению политических наук и европейских проблем» при Кельнском университете поручил академическую разработку связанных с этой темой вопросов своему научному сотруднику Петру Геррманну. В нижепомещаемой статье П. Г. знакомит наших читателей с проводимой в институте работой.

Адрес института: Forschungsinstitut für Politische Wissenschaft und Europäische Fragen der Universität zu Köln. 5 Köln — Lindenthal, Gottfried — Keller Strasse 6.

Основная задача этого Института состоит в анализе конституционной действительности разных стран, в критическом рассмотрении плодов того или иного образа правления с тем, чтобы, на основе приобретенного таким образом опыта, способствовать созданию эмпирической демократической доктрины и выработать концепции, облегчающие реализацию демократии в различных социальных, традиционных и иных условиях. Из этой общей целеустремленности возникло и то исследование, которое изучает мнения русской эмиграции о построении правительственной системы в случае падения существующего ныне советского строя.

Поэтому цель моей работы состоит, прежде всего, в собирании имеющих отношение к установлению государственного строя мнений русской эмиграции и в их систематическом использовании. Россия во многом отличается от других стран и проблемы, вызываемые этим различием, в значительной степени освещены самой русской эмиграцией (например, в трудах Билимовича и Головина). Значительное число этих особых проблем создает, как мне кажется, необходимость конкретного анализа конституционно-политических представлений для установления, соответствуют ли они специфическим русским условиям.

В русской эмиграции широко распространена мысль о непредрешистестве. Непредрешистцы считают заслуживающей русской эмиграции то, что она до сих пор не занялась конкретизацией своих идей. «Выработка обще-

ственного идеала... должна быть всенародной» («Россия», 4 февраля) потому, что «русский народ сейчас политически вырос... Поэтому... доверимся его тысячелетней политической мудрости...» («Россия», 28 января).

Однако, предоставление решения о политическом будущем освобожденной России созванному с этой целью Учредительному Собранию, без всякой предварительной подготовки, оставляет два вопроса неразрешенными:

Если труды такого Учредительного Собрания окажутся затрудненными или затяжными или, попросту, если что-либо им помешает, возникнет проблема длительного существования временного правительства, которое, пока Учредительное Собрание будет заниматься дебатами, сможет укрепиться и приведет к такому образу правления, который не отвечает, в частности, и идеалам эмиграции существуют ведь многочисленные примеры того, как авторитарные системы возникли на основе безвластия Собраний, занятых одними прениями. При устранении этой опасности может возникнуть риск, что Собрание, работающее под давлением необходимости принять срочные решения и — как хотя бы того непредрешистцы — без предварительной подготовки, окажется, в конечном счете, неспособным к творчеству и, опять-таки, приведет к возникновению авторитарной системы.

Учет этих опасностей создает желательность предварительной разработки русской эмиграцией тех различных предложений, которые затем смогут быть представлены Учредительному Собранию. При таком альтернативном планировании, потерял бы свое значение и тот аргумент, что Советский Союз — закрытое государство и точные прогнозы невозможны («Новое Русское Слово», 12 февраля с. г.). Разные программы могут быть выработаны с учетом различных возможных положений. В этом отношении, русским эмигрантам могут послужить примером преуспевшие коммунисты, которые, в конце Второй мировой войны, точно знали, какую систему они намерены создать и какие функции будут выполняться каждым из них в отдельности. Они, таким образом, восполь-

зовались безвластием, порожденным дезориентацией политики Запада, и создали в центральной и восточной Европе совершившиеся факты до того, как Запад приступил к разработке собственных представлений.

Русские эмигранты разбросаны по всему миру. Они живут в странах с различными государственными и экономическими системами. Задача тех русских эмигрантов, которые серьезно думают о будущей, несоветской России, могла бы состоять в критическом изучении системы той страны, в которой они живут — будь-то Соединенные Штаты, Англия, Франция, Германия, Южная Америка или Канада — и в установлении, может ли эта система или ее часть послужить материалом при построении свободной России. Превосходен пример А. Байкалова в «Размышлениях о будущем России» (ЦОПЭ, Мюнхен, 1961). На эту возможность указывает и статья А. Бормана «Будущее устройство России» («Новое Русское Слово» от 13 февраля с. г.). Вопрос только в том, окажутся ли намеченные ими формы государственного порядка жизнеспособными. На основании этих и им подобных соображений, тому Учредительному Собранию, созыв которого предположен, могли бы быть предложены на обсуждение определенные концепции.

О другой возможности думает Кронштадская группа. Она поставила себе целью осуществить советскую систему так, как она изображена в конституции СССР, но без коммунистов. Конкретизация и, одновременно, критический анализ этих мыслей могли бы быть весьма полезными.

Конечно, сегодня невозможно предсказать, какой государственный строй и какая правительственная система будут, в конечном счете, осуществлены в освобожденной России; но существуют некоторые принципы, которые должны быть безусловно соблюдены при установлении правительственной системы. Учет опыта демократии, как в Соединенных Штатах, так и в Англии, Франции и, наконец, в Германии мог бы предотвратить тяжелые ошибки при установлении правительственной системы послесоветской России. Идеальная демократия никогда и нигде не может быть осуществлена (даже Англия не утверждает, что она — совершенная демократия, хотя политический опыт английского народа исчисляется столетиями). С самого начала нужно, однако, избежать некоторых ошибок. Русская эмиграция могла бы этому значительно способствовать, потому что она предназначена своим глубоким знанием особенностей русского положения к разрешению этой задачи.

Сборник „Российская эмиграция и ее вклад в мировую культуру”

5 апреля с. г., в помещении Толстовского Фонда состоялось собрание группы лиц, приглашенных Александрой Львовной Толстой по просьбе ее племянника, доктора Сергея Михайловича Толстого — председателя парижского комитета по созданию сборника «Российская эмиграция и ее вклад в мировую культуру в 1917-1967 гг.».

Собрание было созвано в срочном порядке ввиду того, что д-р С. М. Толстой приехал в США всего на несколько дней.

Целью собрания было ознакомление присутствующих с работой парижского комитета и обсуждение вопроса создания американского, а затем и международного комитета по изданию книги.

Мысль об этой книге возникла еще при жизни В. А. Маклакова; над дальнейшим ее развитием работали (ныне уже покойные): кн. Н. В. Трубецкой, Н. Н. Рябушинский, В. В. Вырубов, Л. Н. Немиров, совместно с другими членами Общества Хранения Русской Культурной Ценностей, в Париже. В настоящее время в состав парижского комитета входят: Ю. П. Анненков, проф. В. В. Вейдле, инж. Е. А. Вечорин, В. В. Вырубов, М. А. Джаншиев, П. Е. Ковалевский, С. М. Лифарь, д-р С. М. Толстой и А. А. Шик.

На собрании присутствовали: проф. Николай Сергеевич Арсенев, Теймураз Константинович Багратион-Мухранский, кн. Сергей Сергеевич Белосельский-Белозерский, Михаил Александрович Джаншиев, д-р Владимир Кузьмич Зворыкин, проф. Борис Александрович Константиновский, Варвара Евгеньевна Сахарова, Борис Васильевич Сергиевский, Игорь Иванович Сикорский, Александр Георгиевич Тарсаидзе, представляющий Сергея Платоновича Оболенского, Александра Львовна Толстая, полк. Илья Андреевич Толстой, д-р Сергей Михайлович Толстой, графиня Татьяна Михайловна Толстая, проф. Борис Генрихович Унбегаун и Владимир Иванович Юрасов.

Не могли присутствовать, но дали свое согласие участвовать в работе — проф. К. А. Белоусов, Т. А. Шауфус и кн. С. П. Оболенский, которого представлял А. Г. Тарсаидзе.

Собрание, под председательством А. Л. Толстой, носило характер предварительного обсуждения по вопросам:

1. Создание международной организации способной справиться с этой огромной и ответственной работой.

2. Обсуждение цели издания книги, ее содержания, плана внешнего оформления.

По вопросам организации собрания была намечена следующая структура комитета:

Совет — куда войдут лица известные своей общественной, научной, технической, литературной и художественно-артистической деятельностью, необходимые для престижа организации как в Америке, так и за границей. Правление — рабочая ячейка, ведущая все делопроизводство комитета.

Было принято предложение — пока не производить никаких постоянных выборов, а считать собравшуюся группу — «Инициативную Группой» для проведения подготовительных работ, в тесной связи с парижским комитетом.

Следующее предложение — просить трех лиц: А. Л. Толстую, С. С. Белосельского и И. И. Сикорского возглавить Инициативную группу — было принято единогласно. Все трое любезно изъявили свое согласие и собрание перешло к обсуждению вопроса о цели издания книги. По приглашению Александры Львовны, присутствующие высказали свое мнение по этому, чрезвычайно важному, вопросу. Среди них были следующие формулировки:

... В сборнике должны быть биографические сведения о выдающихся людях России, независимо от их расового происхождения, политических и религиозных убеждений.

... Эта книга должна быть полезным справочником и для русского народа и для зарубежья о достижениях, которые проявились в эмиграции, осуществившей связь между старой Россией и будущей.

Труд этот должен быть живым, нелицеприятным свидетельством о том культурном явлении, которое собой представляет русская эмиграция.

... Надо бы ограничиться кратким изданием с тем, чтобы в дальнейшем можно было развить и пополнить это издание недостающими сведениями... (д-р С. М. Толстой)

... Эта книга должна быть свидетельством того, что создала эмиграция за пятьдесят лет. Она должна рассказать русскому народу и зарубежью о творчестве русской мысли и талантов за границей. (М. А. Джаншиев)

... с целью сделать вклад не только для американцев, но и для России, где люди не знают чем живет эмиграция. Такая книга послужит историческим материалом для будущего русского поколения. (В. И. Юрасов)

... должно быть исторической справкой, не слишком большой — 250

страниц... должно стать настольной книгой для университетов, а также для лиц интересующихся этими вопросами и желающих найти более подробные материалы в библиотеках... (И. И. Сикорский)

... Русская эмиграция, прожив полвека вне родины, внесла свою лепту и свой вклад в мировую культуру... наша родина, потомство должны об этом знать, дабы сделать свои выводы и совершить свой священный суд. (С. Лифарь)

... Составители окажут неоценимую услугу как России — будущей, не двуединой, а единой — чье молодое поколение уже и нынче тянется к ее наследию, хранимому и умноженному за рубежом, так и всему миру, поскольку ему нужна не урезанная, а цельная Россия. (В. В. Вейдле)

... Такая книга — наш общий долг, и притом долг, который должен и может объединить людей разных взглядов.

Рано или поздно новые русские поколения спросят себя: что они делали там, на чужой земле, эти люди, покинувшие после революции родину и отказавшиеся вернуться домой, — неужели только «жили-поживали», тосковали, вспоминали, ждали лучших дней, заботились о хлебе насущном?

Книга, о которой идет речь, должна быть не только нашим ответом, но и нашим оправданием. (Г. Адамович)

Участники собрания признали важность и необходимость создания такой книги, которая послужит научным и историческим справочником и для западных стран и для молодого поколения России и поэтому приняли решение, если возможно, издать книгу на трех языках: русском, английском и французском.

В настоящее время подготовкой и разработкой будущего Комитета занята небольшая комиссия под председательством А. Л. Толстой. Как только эта предварительная работа закончится, будет созван организационный комитет, в соединении с комитетом во Франции, что и положит начало международному комитету по созданию сборника: «Российская эмиграция и ее вклад в мировую культуру».

Приступая к первым шагам этого дела, Инициативная Группа надеется, что задуманный сборник, свидетельствующий о достижениях эмиграции, найдет отклик и вызовет чувство всех русских людей за рубежом. При составлении сборника она ставит себе одной из главных задач: привести бесспорные доказательства тому, что люди, несмотря на все невзгоды, непосильные трудно-

Иван Александрович Ильин (Краткая библиографическая справка)

И. А. Ильин родился в Москве 28 марта (9 апреля) 1883 г. Среднее образование он получил в 5 и 1 Московской классических гимназиях, после чего поступил в Московский университет, где окончил два факультета — юридический и историко-филологический. После этого он остался при университете и под руководством своего учителя проф. П. И. Новгородцева начал готовиться к профессорскому званию по кафедре истории философии права. С 1910 по 1912 г. Ильин находился в научной заграничной командировке. В 1912 г. он стал приват-доцентом Московского университета. В 1918 г. состоялась защита его магистерской диссертации о философии Гегеля, за которую он получил сразу высшую степень — доктора государственных наук. В том же году Ильин стал профессором Московского университета. В 1921 г. он был избран председателем Московского психологического общества, издававшего известный журнал «Вопросы философии и психологии». Но уже через год, одновременно с целым рядом других выдающихся ученых, Ильин был выслан за границу. Как и большинство высланных, он попал в Германию. С 1923 г. он профессорствовал в основанной Бердяевым Религиозно-философской академии в Берлине. С 1927 по 1930 г. он издавал и редактировал журнал «Русский Колокол». В 1934 г., пришедшими к власти национал-социалистами, Ильин был лишен профессуры. В 1938 г. ему удалось уехать в Швейцарию, в Цюрих, где он и проживал до своей кончины 21 декабря 1954 г.

Полная библиография трудов И. А. Ильина еще ждет своего составителя. Ниже мы помещаем лишь список главнейших его произведений:

Понятия права и силы. Опыт методологического анализа. «Вопросы философии и психологии», Москва, 1910.

(Окончание. Начало см. стр. 19)

сти, отрыв от дорогой нам Родины — свято хранили великое культурное наследство, традиции и идеалы старой России и своими творческими усилиями на самых разнообразных поприщах, внесли ценный вклад в мировую культуру.

Мы намечаем в самом ближайшем будущем обратиться к русской прессе, к общественности и влиятельным русским организациям с просьбой примкнуть непосредственно к этому начинанию.

Александра ТОЛСТАЯ

24 мая 1967 г.

Отдельное издание: Москва, 1910, 38 стр.

Идея личности в учении Штирнера. «Вопросы философии и психологии», 1911.

Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего. Москва, 1912

Философия Фихте как религия современности. «Вопросы философии и психологии», 1914.

Основное нравственное противоречие войны. «Вопросы философии и психологии», 1915.

Духовный смысл войны. (Война и культура). Москва, 1915, 48 стр.

Основы законовещения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. Петроград, 1915, 416 стр. (Соавторы: В. Устинов, И. Новицкий и М. Гернет).

Философия Гегеля, как учение о конкретности Бога и человека. Москва, 1918; том I. Учение о Боге, 300 стр.; том II. Учение о человеке, 350 стр.

Основные задачи правоведения в России. «Русская Мысль», Прага, 1922.

Проблема современного правосознания. Берлин, издат. «Прессе», 1923, 32 стр.

Религиозный смысл философии. Три речи. Париж, 1925, 116 стр.

О сопротивлении злу силой. Берлин, издат. «Град Китеж», 1925, 223 стр.

Родина и мы. Белград, изд. Общества Галлиполицев, 1926, 16 стр.

Яд большевизма. Женева, издат. «Борьба за культуру», 1931, 48 стр.

Welt vor dem Abgrund. Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen Staate. Ein Sammelwerk, bearbeitet und herausgegeben von Iwan Iljin. Berlin-Steglitz, Eckart-Verlag, 1931, 576 S.

О России. Три речи. София, издат. «За Россию», 1934, 32 стр.

Основы искусства. О совершенном в искусстве. Рига, Русское академическое издательство, 1937, 176 стр.

Основы христианской культуры. Женева, изд. Бюро Конференции русских трудящихся христиан, 1937, 48 стр.

Пророческое призвание Пушкина. Рига, Русское академическое издательство, 1937, 43 стр.

Путь духовного обновления. Белград, «Издательская комиссия», 1937, 248 стр.

2 издание (с дополнительными главами 8, 9 и 10): Мюнхен, 1962, 272 стр.

Творческая идея нашего будущего. Об основах духовного характера. Нарва, изд. Национально-Трудового Союза Нового Поколения, 1937, 31 стр.

Основы борьбы за национальную Россию. Нарва, изд. Национально-Трудового Союза Нового Поколения, 1938, 66 стр.

Wesen und Eigenart der russischen Kultur. Zürich, Ahren-Verlag, 1942, 150 S.

2. ergänzte Auflage: Affoltern a. A., Ahren-Verlag, 1944, 199 S.

Die Philosophie Hegels als kontemplative Gotteslehre. Bern, Francke-Verlag, 1946, 432 S.

Аксиомы религиозного опыта. Париж, 1953; том I. 310 стр.; том II. 306 + 1 стр.

О сущности правосознания. Мюнхен, 1956, 223 стр.

Наши задачи. Сборник статей в 2 томах. Париж, изд. Русского Обще-Воинского Союза, 1956.

Путь к очевидности. Мюнхен, 1957, 155 стр.

Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. Мюнхен, 1958, 154 стр.

О тьме и просветлении. Художественная критика. (Бунин, Ремизов, Шмелев). Мюнхен, 1959, 196 стр.

А. Желнин

Gisela Oberländer. Die Vechi-Diskussion (1909-1912). Inaugural-Dissertation, Köln, 1965, 234 сmp.

Революция 1905 года раскрыла многое перед тем скрытое, показала куда ведет недуховное, материалистическое и атеистическое миропонимание. Но ее уроки учли лишь немногие. Только духовно прозорливые сумели заглянуть в глубину и увидеть ту пропасть, перед которой стояла Россия, ведомая ослепленной модными идеологиями и лозунгами интеллигенцией.

Семь авторов: Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев (Ланде), В. А. Кистяковский и П. Б. Струве, уже и до революции начинавшие все глубже понимать несостоятельность и опасность как мировоззренческого материализма, так и модного политического революционизма, решились в 1909 году выступить открыто с критикой интеллигентского пути в знаменитой книге «Вехи». Книга произвела действие взрыва динамита, эхо ее прошло от Петербурга до Владивостока, в один год она выдержала несколько изданий. Ею восхищались — немногие, большинство же на нее яростно нападало, но по существу с авторами «Вех» и их мыслями почти никто не дискутировал: их просто не поняли.

Заслуга автора рецензируемой диссертации заключается прежде всего

в том, что она тщательно собрала и рассортировала отклики на «Вехи» со стороны различных политических и идеологических группировок русской интеллигенции и тем самым дала полную картину интеллектуального непонимания и духовной поверхности этих групп, начиная от либералов и кончая большевизской фракцией русских социал-демократов. Никто из критиков не понял или не захотел понять, что авторы имели в виду. Критики оставались на поверхности, вращались в сферах политической тактики и совсем не замечали, что под их ногами находится не твердая земля, а глубокие воды, готовые каждую минуту расступиться и поглотить их вместе со всем их поверхностным политиканством. Авторы «Вех» попробовали спуститься в эти глубины, но как же могли понять их те, кто и о существовании этих глубин не подозревал? И вот критики искажали и перетолковывали по своему мысли авторов «Вех», подгоняя их под узкую мерку своих партийных программ.

Впрочем, крайне левые почували в «Вехах» опасность и встревожились. Меншевики, — Мартов и Потресов, испугались, что умеренная партия кадетов присвоит себе взгляды веховцев и противопоставит марксистскому мировоззрению другое целостное мировоззрение. Они пригрозили кадетам, что левые разорвут с ними, если кадеты присоединятся к взглядам веховцев. Кадеты успокоили меньшевиков: они были далеки от всякого мировоззрения и вполне довольствовались своей мелкой политическою возней.

Ленин и его группа поняли, насколько взгляды «Вех» могут быть им опасны. Большевики чрезвычайно обрушились на «Вехи», и уже много лет после захвата власти советская философия не могла говорить о «Вехах» и веховцах иначе, как со злобностью и ненавистью, она и до сего дня не может говорить о них спокойно. Впрочем, в наше время на это есть причины. Тогда же Ленин поспешил кроме того использовать «Вехи» и тактически: он обвинял в симпатиях к веховцам и тем самым в «реакционерстве» всех ему неугодных, даже и тех, кто к идеям «Вех» не имел ни малейшего отношения. И все спешили оправдаться, испуганные упреками в «реакционерстве» и даже не считая нужным вдуматься в проблематику по существу. Как велик был конформизм левой интеллигенции и как силен был уже тогда духовный террор левой прессы! В нем выявился прообраз будущего еще более страшного террора, грозившего уже не только гражданской, но и физической смертью. Гизела Оберлендер отмечает, что даже такой крупный либеральный общественный деятель как И. В. Гессен, во многом сочувствовавший идеям «Вех», побоялся высказаться в их

защиту и только задним числом, уже в эмиграции, в 1937 г. признался в своих уже тогда появившихся «еретических» мыслях. И только такие личности как Лев Толстой и Андрей Белый имели мужество высказаться в защиту «Вех», признать за ними не только право на критику, но и справедливость этой критики.

Автор диссертации кончает словами: «Хотя авторы „Вех“ и не смогли предотвратить катастрофы, все же их исследования в 1909 г. остались до сих пор одним из самых замечательных произведений, необходимых для понимания русской интеллигенции».

Мы, однако, добавим, что «Вехи» в наше время имеют далеко не только историческое значение. Именно в наше время, когда идеологическое крушение марксизма стало очевидным и он держится в России только давлением государственной власти, все большее число молодых русских обращаются с интересом к идеям авторов «Вех». «Вехи» стали в наше время опять актуальными и сердитая полемика против них со стороны современной советской философии вполне понятна. Тем более следует приветствовать выход в свет работы, показывающей нам «Вехи» на фоне тогдашних их критиков.

В. П.

JOHANNES-CHRYSOSTOMUS, O. S. B. Kirchengeschichte Rußlands der neuesten Zeit. II. Moskauer Patriarchat ohne Patriarchen. 1925-1943. Verlag Anton Pustet. München/Salzburg, 1966. 8°, 328 стр., 4 портрета.

Это — вторая часть того исторического труда, о первой части которого, вышедшей в 1965 г. была дана рецензия в № 3 «Зарубежья» (1965 г.).

Появление этого высокоценного труда, написанного на немецком языке, специально для немецких читателей, очень показательно для того интереса, который стала за последнее время проявлять известная часть немецкого общества по отношению к истории и культуре русского народа, как в прошлом, так и в настоящем. Эту книгу можно рассматривать не как богословский труд, а как труд исторического характера; он посвящен важному, но до сих пор понастоящему, систематически и документально, не освещенным страницам культурной истории русского народа в условиях быта советского тоталитарного государства. Мы говорим: культурной истории, ибо вычеркнуть православную церковь из культурной истории русского народа, начиная от древнейших времен, — невозможно.

Вышедшая только что вторая часть истории русской церкви новейшего

времени, начинается тем, чем окончена была 1-я часть: смертью патриарха Тихона, и охватывает время до избрания на патриарший престол митрополита Сергия (1943 г.). Как и в первой части своего труда, автор сохраняет полную объективность добросовестного историка и спокойный, деловой тон, постоянно ссылаясь на используемые им источники (в подавляющем большинстве случаев — советские или появившиеся не за границей, а в пределах СССР, — не исключая, конечно, и литературы и сообщений в прессе зарубежных стран. Очень ценны биографические данные о наиболее выдающихся деятелях той эпохи. В книге приведены фотографии митрополитов: Кирилл Казанского, Агафангела Ярославского, Петра Крутицкого и Сергия Московского (впоследствии патриарха), являющиеся большой редкостью. Автор не навязывает читателю своих взглядов и своих оценок: он излагает факты так, как они отображаются в приводимых документах и устанавливает вытекающую из фактов естественную связь событий, как результат взаимодействия этих фактов. Разобраться во всей этой сложной паутине фактов, указов, распоряжений — как церковных властей, так и правительства, автору помогает хорошее личное знакомство с обстоятельствами того времени на месте.

Книга представляет для русских большой интерес; с ней необходимо ознакомиться каждому, кто интересуется историей русского народа в описываемый период, не говоря уже о тех, кто занимается историей церкви и вопросами отношения советской власти к вопросам религии вообще и историей развития этих отношений. Очень желательно, чтобы книга эта была переведена на русский язык и сделалась бы доступной самому широкому кругу читателей. Автор — бенедиктинец; но в изложении его нет и намека на какую-либо конфессиональную или политическую партийность: так же точно мог бы написать и самый убежденный православный. И это делает рецензируемый труд особенно ценным.

Третья (и последняя) часть — история русской церкви в СССР после второй мировой войны (вернее — со времени патриарха Сергия. 1943 г.); должна появиться в том же издательстве в конце 1967 г.

И. Гарднер

„Карлик фаворита“

История жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика светлейшего князя Платона Александровича Зубова, написанная им самим в обработке и с предисловием профессора

графа Валентина Платоновича Зубова, готовится к печати в издательстве Вильгельма Финка в Мюнхене (ФРГ), содержит 340 страниц с 18 иллюстрациями.

И. А. Якубовский (1770-1864) — карлик роста с небольшим аршин, привезенный в 1789 году из Белоруссии братом фаворита Екатерины Второй графом Николаем Александровичем Зубовым, отличавшимся колоссальным ростом. В виде шутки он вез карлика в рукаве своей медвежьей шубы. Таким образом карлик начал свою карьеру при семействе Зубовых. Он видел императрицу Екатерину, был свидетелем московских событий 1812 года, петербургского наводнения 1824 года и дела декабристов.

Много позже выяснилось, что Якубовский был тонким наблюдателем, записывавшим свои наблюдения в своеобразный дневник. Эти записки были случайно обнаружены графом В. П. Зубовым, ныне проживающим в Париже, в одном из библиотечных шкафов, в коридоре верхнего этажа дома Зубовых на Исакиевской площади в Петербурге. Десять тетрадей, исписанных характерным писарским почерком содержали историю семьи Зубовых. Этот своеобразный документ, написанный полубразованным человеком, несом-

ненно является ценнейшим вкладом в изучение истории российского быта конца 18 и начала 19 веков. Хотя записки и не содержат неожиданных исторических данных, они чрезвычайно богаты деталями и очень интересны в культурно-историческом отношении. Перед читателем проходит ряд характерных личностей того времени. Живо описаны представители знати, крупные и мелкие помещики, самодуры, воры — управляющие, приживалы и приживалки, странники, доктора-немцы, иезуиты, гувернеры-англичане, немки-гувернантки, крепостные люди и дирижер-композитор из крепостных. Очень живо описан Суворов.

В рукописи почти отсутствуют знаки препинания. Для удобства читателей таквые внесены, текст разбит на главы, приведен ряд дополнений, пояснений и справок. Но в общем В. П. Зубов по мере возможности придерживается оригинального текста с его своеобразными оборотами речи и коверканием иностранных слов и имен. Во многих местах, могущих вызвать недоумение читателя, в скобках приводится настоящая форма. Несколько примеров: криво-корты, кливкорты и клеветорты: вместо клавиорды. Герцог Барин, вместо герцог Бирон, рогалие вместо регалии и т. д.

Оригинал рукописи хранится в архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Дневники карлика Якубовского уже три раза должны были быть опубликованы: в первый раз помещала революция 1917 года, во второй раз война 1939 года а затем закрытие Чеховского издательства в Нью-Йорке — в третий.

А. В. Б.

ХРОНИКА

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● При русской газете «Единение» в Мельбурне (Австралия) открыта русская библиотека, располагающая помимо большого количества русских книг, также комплектами многих русских периодических изданий, входящих за рубежом. Библиотекой заведует З. Е. Корецкая. Адрес библиотеки:

«Unification» Library, 497 Collins st., Melbourne, Australia.

● 12 февраля русский «Союз писателей и журналистов во Франции» устроил в Париже вечер памяти Осипа Эмильевича Мандельштама. Вступительное слово сказал Б. К. Зайцев, а доклад о жизни и творчестве Мандельштама прочитал Н. А. Струве. В заключение С. П. Жаба прочел стихотворение Мандельштама:

«На страшной высоте блуждающий огонь.
Но разве так звезда мерцает?
Прозрачная звезда, блуждающий огонь,
Твой брат. Петрополь умирает...» (1918 г.)

● Первая годовщина смерти Анны Ахматовны отмечена русской ко-

Иван Окунцев. *Русская эмиграция в Северной и Южной Америке*. Буэнос-Айрес, издат. «Сеятель», 1966, 432 стр. Цена: 5 американских долларов.

Книга впервые исключительно подробно описывает культурную, политическую и экономическую жизнь русской эмиграции в Америке. Кроме того автор дает живые описания первых русских мореплавателей, прибывших в Америку. Далее он излагает историю продажи Аляски и описывает русско-американские отношения в период гражданской войны в США.

Книга делится на три части: история русской эмиграции в Америке, история русского Нью-Йорка и справочник о русских организациях и периодических изданиях.

Igor Strawinsky, *Musikalische Poetik*. (Игорь Стравинский. *Музыкальная поэтика*), издат. B. Schotts Söhne, ФРГ, 90 стр., цена: 16 немецк. марок.

К 80-летию композитора (17.6.67) приурочен выпуск его полемиического труда. Ясными формулировками автор обрисовывает свое положение в современной музыке, одновременно давая этим оценку всей музыке его периода. Стравинский отрицает возможность революционного развития в искусстве и считает свои произведения продолжением существовавшей традиции.

Василий Кандинский. *О духовном в искусстве*. Нью-Йорк, издат. Inter-Language Literary Assoc., 1967, 150 стр.

Книга впервые выходит на русском языке в переводе с немецкого А. Лисовского. Вступительная статья написана вдовой художника Ниной Кандинской. Прекрасны гравюры и иллюстрации. Автор демонстрирует многогранность своего дарования как художник абстрактного искусства, писатель и мыслитель.

лонией в Брюсселе 10 марта докладом Веры Александровны Фостер в зале русской школы им. св. князя Владимира. Доклад был дополнен драматической актрисой Агриппиной Ивановой Дубровской, прочитавшей ряд произведений покойной.

● Песенки Б. Окуджавы не только не поддаются переводу на другой язык. Еще больше: они теряют свою прелесть при передаче их другим певцом. Тем более ценно, что издательство Flegon Prees, 2 Florence Street, London, N. 1., выпустило две пластинки: «Б. Окуджава поет свои песни» (1,50 доллара). Тем же издательством изданы еще две интересные пластинки: «Советский фольклор» — концертные песни (1,50 доллара) и «Студенческие песни» (1,50 доллара).

● В конце февраля в Русском доме Толстовского фонда в Каннах (Франция) состоялся музыкальный вечер памяти А. Бородина. Доклад о творчестве Бородина был иллюстрирован исполнением его инструментальных и вокальных произведений в ис-

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

Мое представление о Боге)*

Космическое восприятие веры является наиболее мощным и возвышенным импульсом к познанию природы. Самый глубокий и всеобъемлющий вид чувством, на которое мы способны, является восприятие мистического. Только отсюда исходит истинная наука. Тот, кому это чувство чуждо, кто не в состоянии отдаться чувству восхищения и благоговения, тот духовно уже мертв. Познание того, что Непостижимое действительно существует и является высшей Правдой и сияющей Красотой, о которых мы имеем только смутное представление — это познание и это представление являются основным стержнем каждой истинной религиозности.

Моя вера зиждется на благоговейном преклонении перед бесконечным духовным Существом высшего порядка, проявляющем себя в нашем окружении вплоть до повседневных мелочей, которые мы воспринимаем нашими слабыми и неполноценными пятью чувствами. Это глубокое убеждение в существовании высшей Мудрости, проявляющей себя в непостижимости космоса, является моим представлением о Боге.

*) Из сборника: «Die schönsten Gebete der Welt», Südwest-Verlag, München, 1964.

полнении русских зарубежных музыкантов и певцов.

● 20 марта с.г. в Париже состоялся очередной доклад проф. В. Н. Ильина на тему «Важнейшие этапы русской религиозной мысли».

● В марте с.г. в Париже, в Русской консерватории имени С. В. Рахманинова, состоялся показательный вечер учащихся по классам пения и рояля. Количество учащихся и качество исполнения ими произведений, входящих в программу высшей музыкальной школы, говорит о прекрасной постановке работы в консерватории.

● Русский композитор и пианист Александр Николаевич Черепнин, в настоящий концертный сезон, объездил почти всю Европу. В Париже он закончил 5 симфонию, заказанную ему фондом С. Кузевитского и дважды играл свой концерт для рояля с оркестром. Черепнин давал концерты в Англии, Германии, Швейцарии и других странах. А. Черепнин, сын нашего знаменитого композитора Николая Черепнина, сообщает что его сын Сергей «все глубже входит в авангардную музыку» также занимаясь композицией. Произведения Черепнина-внука уже исполнялись в этом сезоне в Германии на концертах новейшей музыки.

● В течение всего сезона в Париже, в зале Русской консерватории, регулярно устраиваются концерты с участием русских музыкантов, как инструменталистов, так и певцов. В феврале с.г. певица Мария Андреевна Жук дала очередной концерт. Ею были исполнены композиции Гречанинова, Римского-Корсакова, Чайковского, Рахманинова. Часть концерта была посвящена исполнению произведений иностранных классических и современных композиторов.

● 28 февраля с.г. в Мадриде, на торжественном открытии нового Королевского театра, состоялся концерт известного русского зарубежного пианиста Никиты Магалова. Публика и музыкальная критика высоко оценили мастерство и глубокую культуру игры Магалова.

● 5 февраля в Сиднее (Австралия) с большим успехом прошел русский концерт, организованный Н. В. Блохиной-Ваклицкой. Наибольший успех заслуженно достался певице Таисии Тарас и скрипачке Галине Солдочной. Концерт удачно вела конференсье Н. Грачева-Мельникова.

● 10 марта с.г. в Париже, в зале Плейель, в девятый раз был устроен балетный спектакль в пользу «Союза русских инвалидов». Инициатором и главным руководителем спектакля был С. М. Лифарь. Ему помогли Ю. В. Альгаров, Ю. П. Анненков и многие другие. В спектакле участвовало несколько балетных групп. Все участники отказались от гонорара.

● 11 февраля 1967 г. в Париже состоялось публичное чествование бывшей балерины Императорского Мариинского театра Любови Николаевны Егоровой. Организация чествования была проведена французским обществом «Танец и культура» при активном участии бывшего ученика Егоровой Сергея Лифаря. Несмотря на преклонный возраст Л. Н. Егоровой и до сих пор преподает балет В. прошлом году нашей соотечественнице был присужден французский орден «des arts et lettres».

● В Лондоне состоится в июне аукцион знаменитых балетных костюмов, сделанных

в свое время по эскизам известных художников Венуа, Пикассо, Бакста и других для русского балета Дягилева. Так будут проданы костюмы для балета «Жизель» (Карсавина и Нижинский — 1910 год), «Шехерезада» (1910), «Жар-птица» (Карсавина — 1910) и многие другие. Костюмы принадлежат бывшей балерине дягилевского балета, не пожелавшей назвать свое имя и скрывающейся под псевдонимом Гарольд Бовен. Предстоящим аукционом заинтересовались многочисленные театральные-исторические институты.

● 29 января группа русских актеров бесплатно поставила спектакль в русском старческом доме Красного Креста в Ницце (Франция).

● 15 января 1967 г. в Париже состоялось очередное заседание «Общества русских химиков», на котором А. Вестерман сделал доклад на тему «Галактика и Вселенная».

● «Кружок русской молодежи» в Бельгии организовал следующие доклады в Брюсселе: 8 апреля проф. В. В. Вейдле на тему «Наследие России в XX веке» и 9 апреля проф. И. В. Морозова на тему «Христианин и жизнь».

● В русской колонии города Мельбурна (Австралия) продаются «кирпичики» по двадцать австралийских центов за штуку. Это сбор пожертвований на постройку «Русского Дома». В этом Доме кроме театрального зала будут клубные комнаты для молодежи и взрослых, библиотека, читальня, шахматная комната, дешевый ресторан-столовая и многое другое. Правление общества «Русский Дом» прилагает все усилия для того, чтобы собрать нужные средства.

● В поселке Ярвун и его окрестностях, вблизи австралийского порта Глодстон поселилось много русских крестьян, большей частью старообрядцев, попавших сюда из Сибири через Китай. Большинство из них работает в сельском хозяйстве, причем у многих уже собственные фермы от ста до пятисот акров. Другие же являются так называемыми пайщиками. В Ярвуне кроме государственной школы имеется и частная школа Е. М. Добрыниной, в которой преподается русский язык.

● В Монреале (Канада) при русских православных храмах имеются помещения, в которых читаются доклады и лекции и устраиваются концерты. Недавно Е. Е. Климов читал доклад на тему «Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград в изображении русских художников», а священник А. Шмеман — на тему «Служение мирян в церкви». Оба доклада оставили глубокое впечатление.

● В Париже, в зале Русской консерватории, 1 апреля состоялся вечер памяти крупного русского зарубежного писателя Марка Александровича Алданова. С речами выступили Г. Адамович, Г. Газданов и В. Зайцев. В концертной программе участвовали А. Мищенко и В. Греч.

● Фонд им. И. В. Кулаева в С.-Пауло (Бразилия) организовал выставку «Православная иконография и русское церковное зодчество». Подготовка выставки длилась два года, так как подобрать материалы, разбросанные по всему свету, было чрезвычайно сложно и потребовало огромных усилий от маленькой инициативной группы, взявшей за это интересное и важное дело. Выставка имела чрезвычайный успех не только у русских, но и у местных жителей.

● Годовое собрание Общекадетского объединения во Франции состоялось 16 апреля в

Париже. На этом собрании председатель Объединения, А. Геринг выступил с большим докладом о предстоящем создании «Общества друзей» журнала «Военная быль». С 1952 года издание этого журнала является основной задачей кадетского объединения, видящего в нем осуществление своего девиза «Служения российской государственности». Следование этому девизу идеологически выражается в непреклонной вере в наше отечество и в наш народ. Практически — в сборе и опубликовании всевозможных военно-исторических документов, записок, дневников и т.п. В этой работе бывшие кадеты и большое число примкнувших к ним друзей этого начинания группируются вокруг редакции журнала и издательства «Военно-исторической библиотеки». Главной задачей нового общества будет помощь в распространении журнала и изданий библиотеки, а также помощь в сборе материалов для журнала и для его изданий, конечно, в теснейшем контакте с редактором журнала и его издателем в лице правления Общекадетского объединения.

● Годовое собрание Общекадетского объединения в США состоялось 12 февраля в зале Общества ветеранов в Сан-Франциско (США). Бывший кадет 2 кадетского корпуса протоиерей Владимир Глиндский прочел общую молитву. Бывший кадет Воронежского корпуса В. Данилов был избран председателем собрания. В новое правление были избраны: А. Громько — председателем, А. Шамбо и Р. Фолькерт — товарищами председателем, О. Токмачев и А. Лоран — секретарями, В. Соколов — казначеем, И. Половнев — казначеем кассы взаимопомощи, А. Линицкий — заведующим кадетской помощью, П. Гаттенбергер — заведующим музеем, В. Мандрусов, Ю. Телятников, Г. Маклаевский, Н. Маслов и Кузнецов — членами правления. Было постановлено: Совместно с прочими воинскими русскими организациями принять участие в траурном собрании по поводу пятидесятилетия революции, отметить 50-летие начала Белого движения, в текущем году устроить кадетскую встречу в день св. Николая Чудотворца.

● В апреле этого года отмечается 45-летие Харбинского политехнического института. Бывшие студенты института, разбросанные сегодня по всему миру, отмечают этот юбилей в своих объединениях. Наиболее крупные группы бывших «Харбинцев» находятся в Австралии — 170 человек и в Сан-Франциско (США) — 100 человек. Председателем объединения в Австралии избран Б. П. Стоянов.

● Объединение русских офицеров, участников Первой мировой войны на западном фронте, раз в году проводит церемонию зажигания священного огня под Триумфальной аркой у могилы Неизвестного солдата в Париже. В этом году в церемонии, кроме делегации офицеров, приняли участие представители русских скаутов и организации Витязей.

● В начале года в Нью-Йорке, в зале имени Рахманинова, состоялся вечер русского литературного журнала «Грани». Прочли доклады В. Завалишина и проф. Н. Арсеньев. После докладов выступали с чтением своих стихов русские зарубежные поэты Л. Алексеева, О. Ильинский, Н. Белавина, И. Легкая, Н. Арсеньев, В. Завалишин и Р. Янин. Кроме того были прочитаны стихотворения Б. Нарциссова. Интерес к вечерам «Граней» в Нью-Йорке так велик, что большой зал не смог вместить всех желающих.

● В середине января с.г., в помещении Русской консерватории в Париже, Ф. Е. Во-

лошин прочел лекцию об атомной энергии, ее настоящем и будущем.

● 148 годовщина основания Императорского Санкт-Петербургского университета была торжественно отмечена объединением бывших студентов университета 20 февраля на торжественном заседании в зале Русской консерватории имени Рахманинова в Париже.

● Союз Борьбы за Освобождение Народов России (СВОНР) распространяет, по случаю 50-летия советской власти в России, специальный бело-сине-красный значок, окруженный терновым венком. На трехцветном значке находится цифра 50. Цена значка — 2 америк. доллара. Собранные деньги предназначаются на освободительную работу. Заказы на значок принимаются во всех филиалах СВОНРА.

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в ее целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего российского рассеяния.

● В Париже при церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы существует русская четверговая школа, созданная Русским Студенческим Христианским Движением. Недавно в школе был устроен ученический спектакль. Читались главным образом отрывки из произведений русских классиков: Пушкина, Грибоедова, Тургенева и др. Исполнителями были учащиеся всех классов. Выступления детей оставили очень хорошее впечатление.

● В 75 милях от Сиднея организацией русских Витязей в Австралии снова устроен лагерь. Витязи не только отдыхают в лагере, но и занимаются русским языком, историей России и ее географией. К концу лагеря молодежь будет устроен показательный вечер.

● В местечке Блекхитс, в Голубых горах (Австралия) в седьмой раз успешно прошел летний Св. Серафимовский лагерь «Русь» Национальной Организации Витязей под руководством ст. руководителя А. И. Закрочимского.

● Под руководством старшего инструктора организации Витязей С. Донского прошел слет Витязей, посвященный зимнему спорту в местечке Роггаль (Австрия).

● Национальная Организация Витязей проводит этим летом в Европе два лагеря для русской молодежи: во Франции, в местечке Лаффей во французских Альпах, между двумя озерами, с 1 июля по 15 сентября; в Бельгии, в местечке Вреден на берегу моря, с 15 июля по 15 августа.

● В ла Болса (Аргентина) в тринадцатый раз с успехом был проведен летний Алексеевский лагерь «Русь» Национальной Организации Витязей. Начальником лагеря был старший руководитель проф. Уваров. Фи-

нансовую поддержку лагерю оказали «Общество помощи русским детям» в Нью-Йорке и друг витязей Б. В. Сергиевский.

● На острове Хиндмару в 60 милях от Аделаиды (Австралия), в устье реки Марри, в сосновом лесу, на поляне находится скаутский лагерь Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР), оборудованный согласно всем современным требованиям: спортивные площадки, кухня с газовыми горелками, лазарет, штабная палатка с телефоном. При лагере находится и часовня с иконой святого Георгия Победоносца, почитаемого скаутами всего мира.

● В декабре прошлого года в Мельбурне (Австралия) состоялся трехдневный съезд русской православной молодежи. Участвовало более 90 делегатов из Австралии и Новой Зеландии. С докладами выступали: Н. Волкова — «Религиозные взгляды Достоевского», о. Михаил Клебанский — «Богослужбный язык» и «Православие в нашей жизни»; о. Ростислав Ган — «Православие, католицизм и протестантизм»; епископ Антоний — «Об изучении веры православной»; В. Евсиков — «Христианское учение об откровении».

● В начале 1967 года в Мюнхене (ФРГ) состоялся ряд показательных вечеров русских детей и молодежи, посещающих русские вспомогательные школы при русских православных приходах города. Выступления были устроены с целью показать, что русские дети знают русский язык и учатся понимать и любить русскую культуру. Во всех группах детей учат русскому языку, истории и географии России, а остающееся от учебных занятий время посвящают народным песням и пляскам.

● Русская приходская школа, при Крестовоздвиженском приходе в Хабарте (Австралия), яступила в третий год своего существования. Школой руководит учительница Клавдия Михайловна Хиштас, при активном участии протоиерея Ф. Варишкевича и членов родительского совета Н. и Ф. Пиховняк, М. Павлова и М. Жук.

● Русская благотворительная организация «Толстовский фонд» построила и в конце 1976 года открыла русский старческий дом в Бразилии. При прекрасном оборудованном доме имеется русская библиотека.

● Получено сообщение, что русской благотворительной организации «Толстовский фонд» удалось получить утверждение проекта на постройку дома для престарелых на территории Толстовской фермы под Нью-Йорком. Организована комиссия по сооружению и управлению будущим домом, в котором будет помещено около 80 пожилых одиноких русских. Председателем комиссии избрана графиня А. Л. Толстая, председателем правления — Т. А. Шауфус, казначеем — Б. В. Сергиевский.

● Русское благотворительное общество в Брисбене (Австралия) приобрело участок земли, на котором начата постройка дома для престарелых. Работами руководит архитектор Ю. П. Стуков.

● В ведение русской православной миссии в Иерусалиме входит управление всеми русскими монастырями и святынями на Святой Земле. Эта обязанность связана с большими материальными расходами. Например, еще в этом году необходимо провести следующие строительные работы: отремонтировать купол храма Гефсиманского монастыря, заново перекрыть крышу на колокольне Елеонского монастыря, закончить постройку водохранилищ с питьевой водой на Елеоне. Де-

нежные пожертвования просят направлять по адресу:

Rev. Archimandrite Dimitry, P. O. Box 229. Old City Jerusalem.

● 26-27 марта в Брюсселе состоялся съезд Общества «Православное дело», ставящего себе целью помочь гонимым за веру на нашей родине. На съезде с докладами выступили: протоиерей Игорь Троянов (Швейцария), Л. Н. Филатов (Швейцария), профессор С. В. Гротов (Италия) и о. Дмитрий Берже (Франция).

● В Биарице (Франция) существует построенный в 1892 г., русский православный храм св. Александра Невского. Созданию и украшению этого храма в свое время содействовали многие русские. Теперь храм необходимо отремонтировать. Русские люди, желающие оказать посильную материальную помощь для сохранения этого храма-памятника, могут направлять пожертвования по адресу: Administration Diocésaine, 12 rue Daru, Paris 8, France.

● В этом году состоится 14 паломничество в Святую Землю под руководством еп. Мефодия. Паломничество будет длиться с 8 июля по 1 августа. По всем вопросам, связанным с предстоящей поездкой, следует обращаться к епископу Мефодию в Париж.

● Приемный сын Горького, Зиновий Максимович Пешков умер в возрасте 84 лет в конце прошлого года в госпитале Нейи близ Парижа. В 1914 году Зиновий Пешков, находившийся со своим отцом за границей, поступил добровольцем во французский иностранный легион, где он дослужился до офицерского чина и закончил войну в чине генерала. Во время Второй мировой войны генерал Пешков был в штабе де-Голля и одно время был откомандирован офицером связи в штаб Мак-Артура. После войны он часто выполнял специальные поручения генерала де-Голля. До конца своей жизни, несмотря на блестящую военную и дипломатическую карьеру французского генерала, Пешков не забывал, что он русский.

● 1 марта с. г. в Барселоне (Испания) скончалась русская художница Ольга Николаевна Сахарова. Из России она выехала во время Первой мировой войны. Выставки картин покойной художницы периодически бывали во многих странах Европы и в Америке. В 1965 году О. Н. Сахарова была награждена серебряной медалью города Барселоны, где она проживала в последние годы своей жизни.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника.

Почтовый адрес:
SARUBESCHIE
8 München 27
Postfach 16

Банковский счет № 30/90 246
Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 27, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „ISKRA“, München 12, Parkstr. 3, Rgb.